

ПЕРЕЗРОДА

„ПЕРЕЗВОНЫ“ „PEREZVONY“

Январь 1926 г. № 11 (3).

Рига, Редакция и контора L. Kaleju ielā 43
Телеф. 20-76 и 34-48

Цѣна номера 80 сант. (40 руб.)
За границей 20 амер. цент.

О подпискѣ см. послѣ текста.

Содержаніе:

Стихи: П. Авдѣевъ — „Еще одинъ бездомный годъ“...
„Мыши грызутъ фоліанты“...

Е. Колосовъ — „Санктъ-Петербургъ“

А. Даманская — „Я не хочу“

Вл. Лодыженскій — „Изъ альбома Жиронды“

Ив. Шмелевъ — „Въ ударномъ порядкѣ“ — разсказъ
ветеринара (окончаніе)

Н. Хоревой — „Старый Артемъ“ (элегія)

Проф. Н. И. Мишеевъ — И. И. Левитанъ.

Репродукціи картинъ И. И. Левитана, изъ нихъ
двѣ приложеніями на паспарту.

Дѣтскій уголокъ (посвященъ русской сказкѣ).
По бѣлу свѣту. Изъ области искусства (къ выставкѣ
чехословацкой графики). Русская книга.

Сотрудники:

М. А. Алдановъ, Мих. Арцыбашевъ, К. Д. Баль-
монтъ, Н. Г. Бережанскій, проф. Бердяевъ, И. А.
Бунинъ, Ю. Галанчъ, О. Далматова, А. Даманская,
Донъ-Аминадо, Бор. Зайцевъ (ред. литер. отдѣла),
А. И. Купринъ, Вл. Лодыженскій, Ив. Лукашъ, С. Р.
Минцловъ, проф. Н. И. Мишеевъ, Мих. Осоргинъ,
А. М. Ремизовъ, Н. А. Тэффи, В. Ф. Ходасевичъ,
А. Черный, Евг. Н. Чirikovъ, Марина Цвѣтаева,
И. Шмелевъ, Сем. Юшкевичъ. Художники: акад.
Н. П. Богдановъ-Бѣльскій, акад. С. А. Виноградовъ,
А. М. Прандѣ (ред. худ. части), Ю. Г. Рыковскій
и друг. Обложка — работы М. Добужинскаго.

Отъ издательства:

Въ виду задержки съ оборудованіемъ собственной цинкографіи издательство не успѣло пополнить запаса
цвѣтныхъ клише и потому **въ двухъ №№ дано будетъ по одной четырехцвѣтной репро-
дукціи, а взаменъ второй — репродукція duplex autotipia.**

Представительства журнала „Перезвоны“

Австрія — А. Мухинъ — Вѣна I, Petersplatz 9.

Болгарія — Н. Алексѣевъ — Софія, В. Тырново 17.

Германія — Кн. маг. О. Дьяковой — Berlin W. Kleiststrasse 23.

Польша — Изд. „Добро“ — Warszawa, Gl. poczta. Skrzyanka 192.

Румынія — Кн. маг. „Книга“ — Chişinau (Кишиневъ), str. Alexandru cel Bun 71.

Турція — Г. Пахаловъ „Культура“ — Константинополь, 385, Grand rue de Pera.

Франція — „Librairie Hachette“ (Messageries de journaux) III, rue Réamur
III, Paris 2e.

Чехословакія — Кн. маг. „Пламя“ — Praha II. Ječná 32.

Югославія — И. И. Карпенко — Бѣлградъ, Приштинская 52. — Приемъ
подписки и розничная продажа.

Всѣ твердятъ наперебой:

Хорошо печетъ Алой!

Спеціальная фабрика
баранокъ

Бол. Московская ул. 14-16, тел. 83-06.

С. А. ВЛЕХМАНЪ и С-ья

12. Грѣшная ул. 12.

Верхн. сорочки. Галстуки.
Трикотажное бѣлье.
Носки. Чулки.
Кашнѣ и шелковые шарфы.
Модныя сумочки.

Открыта подписка на большую ежедневную русскую газету на 1926 годъ

Слово

Издание Акционернаго Общества „САЛАМАНДРА“
Рига, Латвія. Бол. Кузнечная ул. 43. Телефонъ 26-70 и 83-40.

Въ „СЛОВЪ“ участвуютъ:

А. Амфитеатровъ, В. Амфитеатровъ-Кадашевъ, М. Арцыбашевъ, А. Борманъ, поч. акад. Ив. Бунинъ, В. Л. Бурцевъ, Н. Бѣлогорскій, А. Хрипуновъ, проф. И. Ильинъ, П. Красновъ, С. Кречетовъ, А. Ксюнинъ, проф. Карташовъ, А. Купринъ, А. Фонъ-Лампе, Ив. Лукашъ, А. Ляковскій, кн. А. П. Ливень, Б. Неандеръ, К. Парчевскій, проф. А. Пиленко, Б. Зайцевъ, Н. Рыбинскій, А. Ремизовъ, В. Сиринъ, А. Салтыковъ, В. Шульгинъ, Ив. Шмелевъ, А. Тыркова, В. Унковскій, А. Черный и другіе, а также депутаты русской фракціи Латвійскаго Сейма и латвійскія общественно-литературныя силы.

Подписная цѣна:

въ Ригѣ — 2 л. — с. (100 р.) въ мѣсяць
въ провинціи — 2 л. 50 с. (125 р.) „ „
за границей — 70 амер. центовъ „ „

ИЗДАТЕЛЬСТВО „САЛАМАНДРА“

Открыта подписка на

„Юный читатель“

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ЮНОШЕСТВА

(подъ редакціей Л. КОРМЧАГО)

Выходитъ два раза въ мѣсяць

Въ каждомъ номерѣ рассказы, приключенія, путешествія, очерки жизни разныхъ странъ и народовъ, обзоръ новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній.

==== Большой конкурсъ „ЮНАГО ЧИТАТЕЛЯ“ на премію стоимостью ====

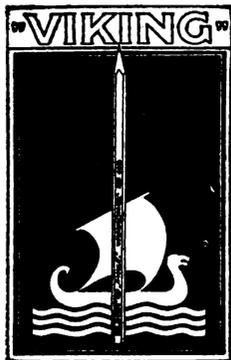
ВЪ СТО ЛАТЪ (5000 руб.)

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: увлекательный романъ изъ жизни американскаго школьника съ оригинальными иллюстраціями художника Г. Дайбера.

Журналъ богато иллюстрированъ. Художественная обложка работы Н. ПУЗЫРЕВСКАГО.

Подписная плата: на годъ въ Латвіи 10 латъ, на 1/2 г. 5 л.; за границу на годъ 3 дол., 1/2 г. 1 дол. 50 ц.

Редакція и контора: Рига, Вальдемарская 63, Тел. 2-73

Лучше
карандаши
датского производства.

Въ продажѣ во всѣхъ
большихъ писчебумаж-
ныхъ магазинахъ

Представитель:
Г. ФРЕДЕРИКСЕНЪ
Реформатская ул. 8.
Тел. 60-87.

Sultanes

сигаретты

должны быть на каждомъ кури-
тельномъ столѣ.

Ваши волосы

станутъ шелковистыми и выиграютъ
въ блескѣ при употребленіи мыла

„КАМІЛЬБАСАН“

Оно уничтожаетъ перхоть, освѣжаетъ
кожу и укрѣпляетъ корни волосъ.

Ls. 1.— Можно получить во всѣхъ
аптекахъ и аптекарск. магазинахъ.

Представитель **Р. ТАЛЬ**
Дерптская 1/3. Тел. 18-08.

ИЗДАНИЯ

Акц. О-ва Печатн. Дѣла „САЛАМАНДРА“

Б. Кузнечная ул. № 43.

Учебники Н. В. Кузнецова:

1) Практич. курс русск. правописания с самодиктантами, 2 изд.	1.20
в папке - 1 лат 20 с.	
2) Элемент. курс русск. грамматики с самодиктантами (этимология и синтаксис для 2 и 3 кл. основных школ, 2-ое переработ. издание	1.30
3) Настольн. Хрестоматия с элемент. сведен. по родиноведен. (1 книга после букваря)	1.70
4) Настольн. Хрестом. 2 часть — для 2 и 3 кл. основной школы	1.90
5) Новый иллюстрирован. сборник упражненій в письмен. изложении мыслей в связи с элементарн. сведениями из синтаксиса. Выпуск I. — для дошкольн., I-го и II-го класса основной школы	1.30
6) Тоже II-ой выпуск для 3-го и 4-го клас. основной школы	1.60
7) Пособие к совнат. чтению научныхъ и художеств.-литер. произведений. Контрольн. тетрадь для внеклассн. чтен. и для изучен. индивидуальн. учащихся	— 40
Кроме того в издании автора Н. В. Кузнецова вышли учебники по арифметике:	
8) Новые сборники арифм. задач; вып. I. — цена 1. лат. 30 сант., вып. II. — 70 сант., вып. III. — 1 лат., вып. IV. и V. по 1 лат. 50 сант.	
9) Сравнит. таблицы мер и весов, (съ образцами вычислений)	— 70
Сборник юриск. мин. юст. П. П. Якоби и Г. П. Элерсъ. Законы о печати, о зрѣлищахъ, о политич. организац. собраніяхъ, о борьбѣ съ пьянствомъ и др.	2.50
Vecmāmulas pasakas, Rob. Bērziņa; Ilustrejis A. Drekslers. (Cena Ls. 2.—)	2.—

ШОРОЗРОШЫ

 ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ
 ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ
 № 23 ❄ 1926 ❄ № 11

В. Сѣровъ

Портретъ И. И. Левитана

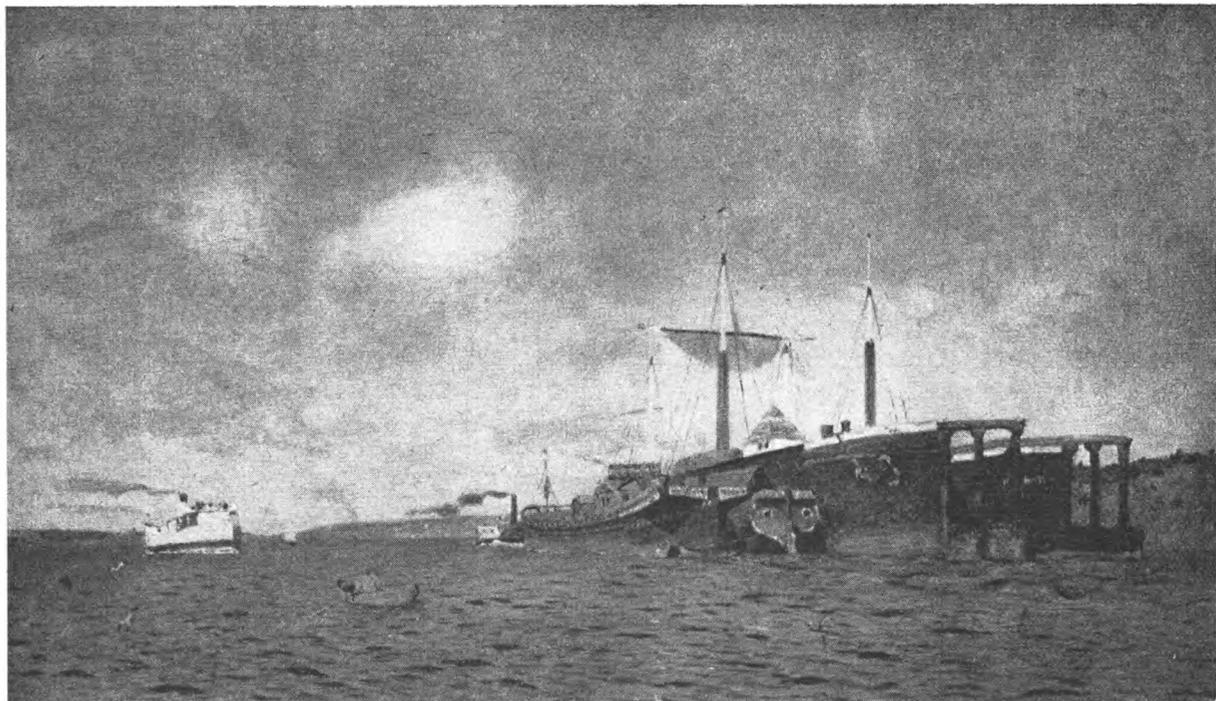
Н. И. МИШЕЕВЪ

И. И. ЛЕВИТАНЪ

I

Мы очень много говоримъ, пишемъ, что „смѣхъ — лучшее лекарство“, что „надо обращать вниманіе на свѣтлую сторону вещей... Мы, наконецъ, молимся: „духа унынія не даждь

ми“, считая духъ этотъ наиболѣе опаснымъ, но... „печалію согрѣта гармонія и нашихъ музъ и дѣвъ“, а, по словамъ старика Гомера: „древніе поэты

И. И. Левитанъ

„Свѣжій вѣтеръ“

всегда плакались о судьбѣ человѣка“. Не поэтому-ли исторія поэзіи есть исторія человѣческой печали?.. Много-ли вообще „веселыхъ“ произведеній искусства? Мы сами, развѣ не готовы каждую минуту „задуматься съ тоской“, особенно, когда „воспоминанье предо мной свой длинный развиваетъ свитокъ“?..

Какая-то „трещина“ есть въ нашей духовной природѣ и, какъ мы ее не залѣчиваемъ, она даетъ о себѣ знать. Вотъ почему мы скорѣй откликаемся на все то, что вызываетъ въ насъ скорбныя состоянія души. Они ближе, „роднѣе“ намъ, чѣмъ радостныя. Мало того, мы оцѣниваемъ ими содержательность нашихъ ближнихъ. Какъ бабочка на огонь, мы „летимъ“ на все печальное, особенно, если оно преподносится намъ въ красивой формѣ. И, разумѣется, главнымъ образомъ, э т и м ъ объясняется культъ у насъ тѣхъ художниковъ пера, кисти, рѣзца и звуковъ, что умѣютъ съ особенной силой ударить по искони минорно-настроеннымъ струнамъ души.

И. И. Левитанъ принадлежитъ къ такимъ художникамъ.

Скажите, кто изъ русскихъ, мало мальски интересующихся искусствомъ, не знаетъ его произведеній? У кого изъ насъ, при его имени, не является сразу цѣлый рядъ настроеній и переживаній опредѣленнаго характера? Онъ одинъ изъ самыхъ популярныхъ художниковъ, самыхъ любимыхъ.

II

Одни поэты, какъ Пушкинъ, называютъ природу „равнодушной“. Другіе — Тютчевъ, говорятъ:

Не то вы мните, что природа,
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ!..
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ!

Тургеневъ опять иначе. Въ стихотвореніи „Природа“ онъ рисуетъ ее въ видѣ величавой женщины съ „желѣзнымъ лицомъ“, которой абсолютно нѣтъ дѣла до человѣка, для которой совершенно не существуетъ „добра, справедливости, любви“, словъ, придуманныхъ самимъ человѣкомъ. Онъ и блоха для этой природы равноцѣнны...

Философы учатъ: „неоспоримо вѣрно то, что, когда мы довольны и счастливы, природа улыбается вмѣстѣ съ нами; воздухъ кажется намъ цѣлительнѣе, небо яснѣе, трава зеленѣе, листва деревьевъ пышнѣе, цвѣты благоуханнѣе, пѣнье птицъ слаще, солнце, луна и звѣзды — прекраснѣе“. (Эмерсонъ).

Ясный и гармоничный Пушкинъ подтверждаетъ это, когда говоритъ:

И съ каждой осенью я оживаю вновь!
Здоровью моему полезень русскій холодъ,
Къ привычкамъ бытія вновь чувствую
любовь...

Такія жизненныя чувства вызывала у великаго поэта тоскливая, по общему мнѣнію, осень.

Какъ вы, читатель, лично думаете обо всемъ этомъ? На чьей сторонѣ правда? За кѣмъ вы готовы идти? Вотъ предъ нами творчество И. Левитана. Какъ вы принимаете его? Душа-ли только художника отразилась въ немъ, этомъ творествѣ, или же одна русская природа? А можетъ быть и то и другое? Значитъ при-

рода имѣть свой „языкъ“? Почему же тогда „тоскливый“, „унылый“ языкъ осени вызывалъ у великаго поэта „любовь къ привычкамъ бытія“?..

Я не собираюсь давать отвѣты на всѣ эти вопросы, во первыхъ, потому, что это дѣло каждаго изъ насъ въ отдѣльности, а во вторыхъ, отвѣчать на нихъ не позволяютъ рамки настоящей статьи. Не могу только не замѣтить, что въ связи съ поставленными вопросами стоитъ, въ свою очередь, важный вопросъ: Дѣйствительно-ли И. Левитанъ нашель „чисторусскій стиль пейзажа“, что утверждаютъ нѣкоторые изслѣдователи его творчества. (А. Бенуа).

III

По своему происхожденію И. Левитанъ — еврей изъ почтенной по дѣду раввинской семьи. Родился въ 1860 г.

Его родные переѣхали въ Москву, гдѣ скончались отъ тифа, и мальчикъ остался безъ куска хлѣба и крова.

Въ немъ рано проснулся художникъ. 12-ти лѣтъ отъ роду, по собственной инициативѣ, онъ поступилъ въ Московское училище Живописи, Ваянія и Зодчества.

Начались школьные годы. Упорная работа. Ужасная нужда. На 5 коп. жилъ весь день. Не имѣлъ собственнаго жилища. Ночевалъ тайкомъ въ школѣ. Занимался въ пейзажной ма-

стерской Саврасова. Врожденная любовь къ природѣ подъ влияніемъ Саврасова разгорѣлась у талантливаго юноши яркимъ огнемъ. По недоразумѣнію былъ почти уволенъ изъ училища, не получивъ званія класснаго художника, а только дипломъ на званіе учителя рисованія и чистописанія...

По выходѣ изъ школы — работа, работа безъ конца, сопряженная съ страшной нуждой въ самомъ необходимомъ. Неудача на первыхъ шагахъ съ картинами, которыхъ „Передвижники“ не приняли на свою выставку (1884 г.). Къ счастью, дружба съ Чеховымъ, совмѣстная съ нимъ жизнь лѣтомъ. И вдругъ явно пробудившіеся приступы мучительной тоски, ненормальнаго, болѣзненнаго состоянія, часто совершенно необъяснимые... М. П. Чехова въ своихъ воспоминаніяхъ видитъ причину такихъ настроеній Левитана отчасти въ постоянномъ его недовольствѣ собой, оскорбленномъ самолюбіи, страстномъ желаніи большаго. Антонъ Павловичъ Чеховъ считалъ, что корень, источникъ подобныхъ настроеній лежитъ гораздо глубже и питается трагическими чертами человѣческаго духа вообще.

Пріемлемы и одно, и другое объясненіе. Допустимо также и предположеніе С. Глаголя, что причину Левитановскихъ настроеній надо искать въ его сознаніи пошлости окружавшей жизни, съ чѣмъ онъ боролся, уходя въ глубь

И. И. Левитанъ

„Заросшій прудъ“

себя и тѣмъ очищаясь отъ этой пошлости. Мнѣ лично кажется, что, кромѣ всего этого, мучительная болѣзнь сердца, отъ которой художникъ умеръ, — (1900 г.), — 30-ти лѣтъ отъ роду, также имѣла здѣсь большое вліяніе, т. е. я имѣю въ виду причину и чисто — физиологическую. Для насъ, если хотите, важно констатировать самый фактъ тяжелаго, удручающаго состоянія души художника, печать чего мы видимъ на его произведеніяхъ.

Если мы примемъ все сказанное во вниманіе, соединимъ съ этимъ исключительную привязанность, „влюбленность“ Левитана въ природу и рядомъ поставимъ его громадный талантъ, вмѣстѣ съ жертвеннымъ служеніемъ искусству, то у насъ и будетъ та психофизиологическая основа, знать которую, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, необходимо, если мы хотимъ разобраться въ произведеніяхъ художника.

IV

Венеціановъ, Морозовъ, Шишкинъ, Клодтъ, Саврасовъ, Васильевъ и Левитанъ. Вотъ, такъ сказать, ступени развитія русскаго пейзажа, какъ онъ есть, пейзажа характера реалистическаго, при чемъ, нужно отмѣтить, что самый реализмъ этого пейзажа шель сначала только отъ внѣшнихъ формъ, и лишь у Саврасова и рано умершаго Васильева засверкала рядомъ съ такими формами подлинная жизнь русской природы. „Дохнула“ родная земля, и художники уловили, съумѣли передать ея „духъ“. „Грачи прилетѣли“ Саврасова и „Оттепель“ Васильева — одинъ изъ лучшихъ „документовъ“ русскаго пейзажа. Къ несчастью, первый художникъ сбился съ „пути истиннаго“ а второй — 23-хъ лѣтъ умеръ отъ чахотки.

На долю Левитана выпало продолжать ихъ работу и привнести въ нее нѣчто новое.

Что же именно?

Всмотритесь, хотя бы въ тѣ произведенія художника, репродукціи съ которыхъ помѣщены здѣсь. За исключеніемъ „Остатки былого“, вызывающемъ у васъ своимъ моремъ и развалинами представленіе о чужой землѣ, все остальное — это родныя картины, которыхъ вы часто видѣли, съ которыми сжились, которыхъ, наконецъ, незамѣтно для себя полюбили. Это русская природа безъ всякихъ прикрасъ.

Но этого еще мало. И пейзажисты — современники Левитана, и послѣдующіе художники, среди которыхъ были ученики и просто подражатели его, также писали и пишутъ русскую природу. Чѣмъ отличается отъ нихъ И. Левитанъ? Что именно цѣннаго для насъ мы находимъ въ его произведеніяхъ и чего или совсѣмъ нѣтъ у другихъ пейзажистовъ, или есть только намѣкъ, который мы характеризуемъ на ихъ картинахъ, какъ нѣчто „левитановское“?

Остановимся на нѣкоторыхъ его картинахъ и попробуемъ разобраться въ нихъ. Вотъ, напр., чудесная вещь „Вечерній звонъ“.

Прежде всего такой пейзажъ можно видѣть только въ Россіи. На небольшомъ мысу, омываемомъ чистой, свѣтлой рѣкою, среди лѣсовъ, которыми краю нѣтъ, стоитъ бѣлый монастырскій пятиглавый храмъ старинной русской архитектуры. Виднѣются монастырскія постройки, легкая колокольня. Надъ монастыремъ развернулось небо, захвативъ и воду, и лѣсъ. На первомъ планѣ рѣдкая зелень, за нею песчаный берегъ съ пристанью для лодокъ, на одной изъ которыхъ сидитъ, сгорбившись, женская фигурка. Заходящимъ солнцемъ озарены монастырь, лѣса, небо.

Это сюжетъ картины, мотивъ такой знакомый, такой знакомый...

Но дѣло не въ немъ. Тихая радость наполняетъ вашу душу при взглядѣ на „Вечерній звонъ“. Откуда она? На какихъ крыльяхъ слетѣла?

На крыльяхъ поэзіи, т. е. того начала нашего духа, которое, съ одной стороны, вызываетъ въ нашей душѣ миръ, тихую радость, а съ другой — и печаль, какъ результатъ смутнаго сознанія, что мы лишь „мимоходомъ“, „случайно“, „неожиданно“ можемъ быть причастны этому миру. Поэзія только напоминаетъ о немъ, какъ о реально существующемъ „бытіи“, копией котораго является наша жизнь. Это подлинное „бытіе“ видятъ только поэты и въ своихъ радостно-тоскующихъ видѣніяхъ, какъ отблескахъ его, показываютъ намъ, поднимая и въ насъ самихъ рой чувствъ, гдѣ печаль и радость идутъ рука объ руку.

„Вечерній звонъ“ написанъ Левитаномъ въ тѣ часы, когда „тревога сердца его смирилась“, когда глубокое поэтическое чувство его было охвачено слетѣвшей съ неба тихой радостью, и онъ поспѣшилъ это свое чувство запечатлѣть въ краскахъ, но непременно такихъ, которыя бы „звучали“, пѣли о томъ, чѣмъ полна была его душа. Отсюда и такое странное для картины названіе: „Вечерній звонъ“. Развѣ можно звонъ колоколовъ передать въ краскахъ?! Но взгляните въ нашу картину и... вы услышите „звонъ вечерній“ и въ этомъ легкомъ, прозрачномъ воздухѣ, и въ этомъ ласковомъ небѣ, и въ далекихъ лѣсахъ, гдѣ „звонъ спрячется“ и, наконецъ, въ монастырѣ, зовущемъ своими колоколами на молитву. Картина „звенитъ“, „поетъ“, трогаетъ своей „мелодіей“, которая звучитъ уже въ вашей душѣ, гдѣ вдругъ пробуждаются давно забытые „пѣсни“, „дни“, „мѣста“... „И вѣрится, и плачется, и такъ легко, легко“...

Но Левитанъ, въ силу цѣлаго ряда психическихъ и даже физиологическихъ качествъ, причинъ характера своего, жилъ больше и даже исключительно въ „объятіяхъ“ печали, нежели радости, почему и поэтическое чувство его питалось, главнымъ образомъ, первой. Она именно смотрѣла чаще ему въ глаза, требуя выраженія, отсюда и господство въ его произведеніяхъ мотивовъ, уже печальныхъ, тоскливыхъ самихъ по себѣ. Въ этомъ отношеніи знаменитая картина „Надъ вѣчнымъ покоемъ“

И. И. Левитанъ

Вечеръ „Золотой_Плесь“

можетъ быть признана самой типичной для художника.

На небольшой горѣ ветхая „кльцкая“ церковка. Вокругъ могильные кресты. Внизу сѣрая рѣка. Кругомъ однообразная, необъятно — плоская равнина. Надъ всѣмъ хмурое, тяжелое небо съ небольшими просвѣтами.

Всю свою тоску, боль, скорбь по неудавшейся жизни, какъ личной, такъ и тѣхъ, кто покоится подъ этими могильными крестами... Все безсиліе чловѣка предъ этой „равнодушной“ природой... высказалъ Левитанъ на своей картинѣ. И больно смотрѣть на нее, и въ то же время притягиваетъ она къ себѣ, оторваться нельзя... Не потому-ли, что ваши „далекія“ мысли, чувства вдругъ воскресли въ ней?... Откровенно съ вами заговорила ваша душа. Чего прятаться отъ самого себя?..

Мотивъ пейзажа безконечно усиленъ здѣсь художникомъ, отдавшимъ ему свое настроеніе. Обычный приѣмъ Левитана, необходимый для него въ силу душевнаго склада. Всѣ картины художника говорятъ объ этомъ. Можетъ создаться впечатлѣніе, что его живопись есть не столько живопись пейзажа, сколько — настроеній, для которой пейзажъ былъ только предлогомъ.

Однако, мы не говоримъ этого, потому что видимъ въ этой живописи нѣчто опредѣленно родное, русское, и надо удивляться, какъ еврей, по происхожденію и вѣрѣ, постигнувъ и выразилъ все типично — русское. Вѣдь эти „Заросшіе пруды“, „Мельницы“, „Тихія обители“, „Ветхіе дворики“, „Избы“, „Озера“, „Омута“, „Большія дороги“, виды „Сѣвера“, картины „Марта“ съ пробуждающейся природой и пр. и пр. — все это можно видѣть только въ Россіи, и мы съ вами ихъ видѣли, но не... увидѣли

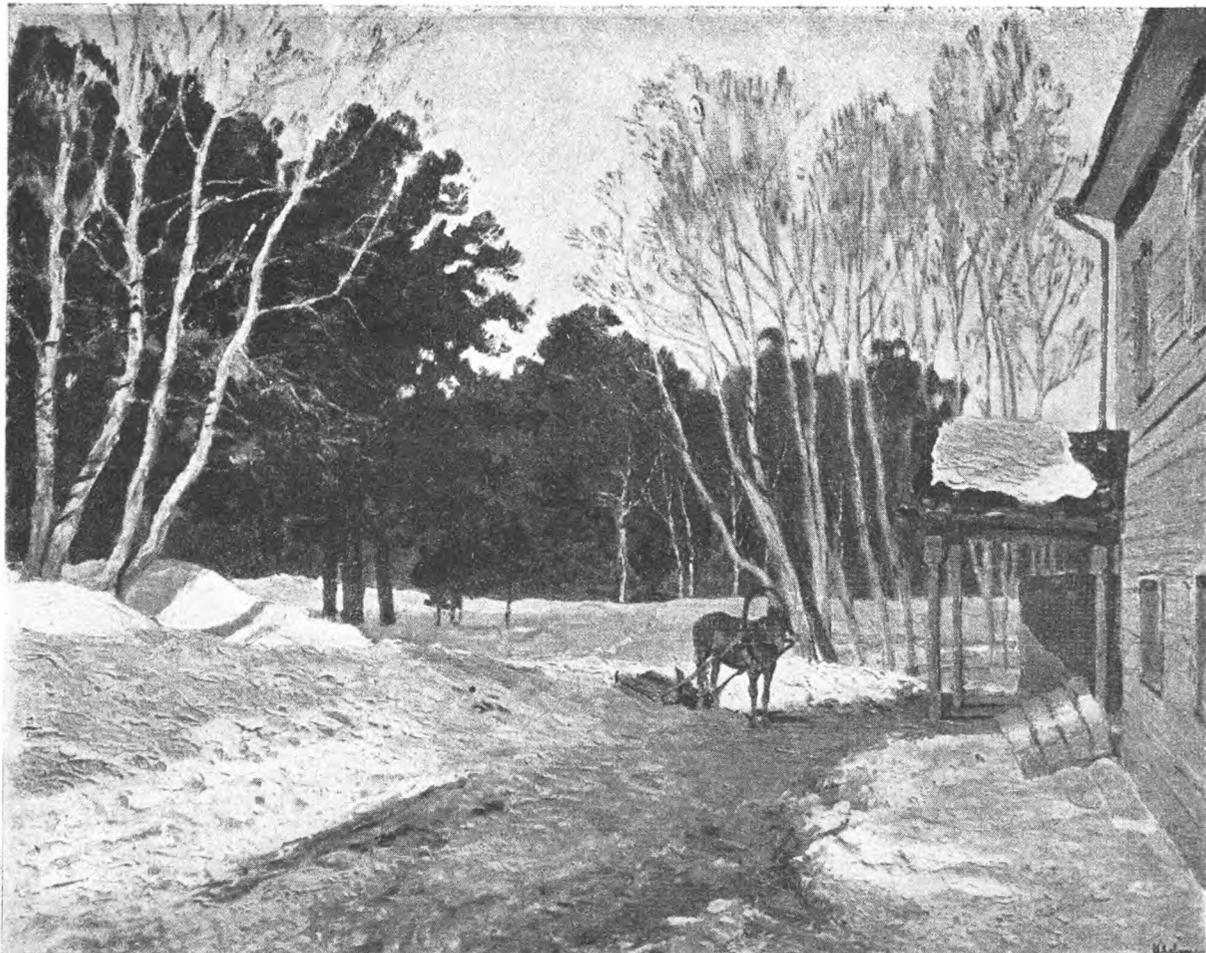
того, что подсмотрѣлъ художникъ — именно: своеобразную прелесть этихъ мѣстъ, гдѣ тишина, просторъ, заброшенность ужились мирно съ скромной улыбкой и печалью, полной недоумѣнныхъ вопросовъ, на которыхъ она, не находя отвѣтовъ, часто переходитъ въ „длинную“ тоску, о чемъ такъ часто поетъ въ русской стариной пѣснѣ „добрый молодецъ“, не зная, кому „повѣдать печаль свою“...

V

Разсматривая послѣднія работы И. Левитана, мы видимъ, что художникъ все болѣе интересуется сюжетами, которые сами по себѣ цѣнности не представляютъ. Какая-нибудь развалившаяся изба, поломанный заборъ, заброшенный дворъ, „Дорожка“ его занимаютъ безконечно больше, чѣмъ „достопримѣчательность“ съ завѣдомо „красивымъ видомъ“.

Въ этомъ надо видѣть лишь ростъ таланта художника. Для него въ искусствѣ становится самымъ важнымъ какъ изображать, а не что. Здѣсь большая заслуга Левитана. Онъ указалъ новый подходъ къ пейзажу. Въ связи съ этимъ художникъ принялъ и новую манеру письма, къ которой, онъ, разумѣется, перешелъ не вдругъ, а постепенно. Сравнивая, на примѣръ, его „Заросшіи пруды“ (1887 г.) съ „Озеромъ“ (1899 г.) и „Дорожкой“ (1899 г.), мы замѣчаемъ, что художникъ перестаетъ выписывать каждый листокъ, травку. Его кисть, мазокъ дѣлаются импрессионистичнѣе, а потому и ярче по краскамъ, производя больше впечатлѣній. Нечего удивляться, что русскій пейзажъ многимъ обязанъ И. Левитану. Его вліяніе замѣтно на работахъ многихъ художниковъ.

Н. И. Мишеевъ

И. И. Левитанъ

„Мартъ“

ИВ. ШМЕЛЕВЪ

ВЪ УДАРНОМЪ ПОРЯДКЪ

(Рѣзсказъ ветеринара)

III

Прибѣжалъ, запыхавшійся, развязный, нѣкто, въ кожаной курткѣ, съ истощеннымъ лицомъ въ бутонахъ, похожій на галчонка; но въ шпорахъ и съ ноганомъ.

— „Товарищъ?..“

— „Ясный!“ — сказалъ товарищъ.

— „То-есть, какъ это... я-сно?“ — посадилъ я его на лапки.

Онъ засбоилъ съ приема.

— „Ну да... „Ясный“... партійная моя“...

— „Какого года?“

Онъ стоялъ, какъ заершившійся воробей передъ собакой: маловатъ былъ ростомъ.

— „Ну... уже пару лѣтъ! Почему это васъ интересуеть, товарищъ?“ — попробовалъ онъ взять въ ногу, но я и самъ былъ въ курткѣ, и кожа моя была покрѣпче.

— „Чтобы знать, крѣпка ли дисциплина.

Вотъ случай, — показалъ я на жеребенка, — на вашъ компетентный взглядъ... что это? На васъ шпоры, значитъ — понимаете въ лошадакахъ. Что скажете, товарищъ?“

Онъ смотрѣлъ на меня, на жеребенка, — не зналъ, что дѣлать.

— „Осмотрите! Вы отъ политической части, и заключеніе ваше важно. Исходъ, конечно, летальный, но... что вы скажете о статьяхъ?“

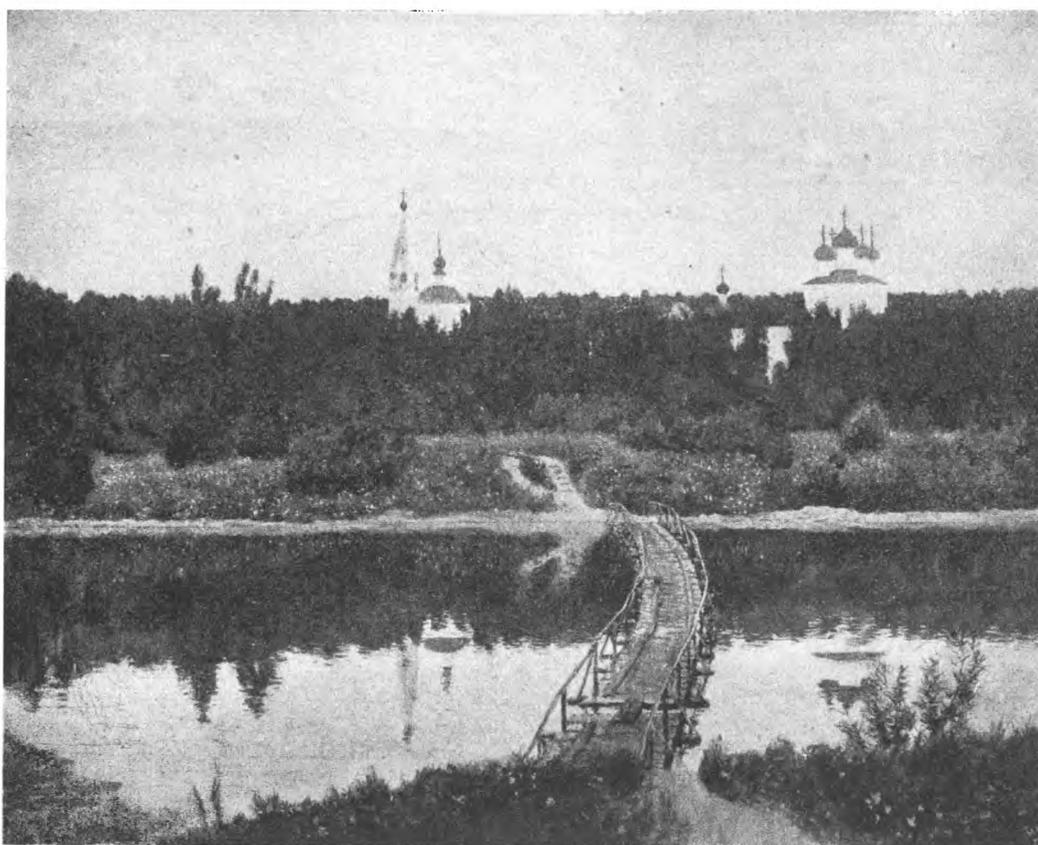
Онъ не колебался ни секунды. Съ видомъ эксперта, для чего-то всадивъ пенснэ, онъ нагнулся надъ жеребенкомъ и постоялъ, руки въ боки. Потомъ, покачавъ головой, — мда, неважно!.. — онъ потянулъ за ножку. Жеребенокъ открылъ глаза, и синій его языкъ высунулся со свистомъ.

— „На животъ не жмите!“ — закричалъ я, видя, что этотъ нахаль кому-то подражаетъ. — „Перитонитъ, больно!..“

И. И. Левитанъ

„Ветхий дворикъ“

И. И. Левитанъ

„Тихая обитель“

Меня мутило, но было нужно — „во имя человека“ — спасать забитых.

Онъ подавилъ у шеи, взглянулъ на десны, въ обложенное нѣбо, и потрепалъ по гривкѣ.

— „Да, онъ... сдохнетъ!“

— „Совершенно вѣрно. А не имѣемъ ли мы характерный случай деградаціи формъ скелета?..“ — хватилъ я крѣпко.

— „Да, случай характерный“... — серьезно сказалъ галчонокъ.

— „Да вы, позвольте... въ кавалеріи служили?“

— „Я?..“ — оторопѣлъ онъ что-то, и его пенснѣ упало. — „Я, собственно, интересовался фармакопеей... я былъ“...

— „Въ аптекѣ?“ — сразу попалъ я въ точку.

— „Кстати... вы не знакомы съ...?“ — ввинтилъ я такое имя изъ его синклита, что у него зазвенѣли шпоры. — Онъ тоже интересовался фармакопеей, теперь интересуется анатоміей. Онъ будетъ доволенъ, что у него специалисты и по конской части. Какъ ваше... „Чистый?..“

— „Ясный“. Товарищъ „Ясный“. Я пока сверхштатный...“

— „Только? Ну, теперъ надѣюсь... Сейчасъ активъ осмотра... Хорошаго они тутъ намъ съ вами, было, натворили!.. Такой-то экземплярчикъ — послали бы въ Европу, рысачка — собачку! Неприятно, что дойдетъ до совнархоза... Странно, что не нашлось спеціалиста, изводили средства... Но, дѣйствуя въ ударномъ порядкѣ... А ну-ка, пристрѣлите! — приказалъ я оторопѣвшему галчонку. — Не стоитъ мучить. Ну, вы мастеръ...“

Стоявшіе отскочили, Ситикъ тоже. Сверхштатный показалъ зубки, его повело дрожью, и стало его лицо хорѣчимъ. Онъ нервно отстегнулъ кобуру и вытянулъ „присягу“. Рука его ходила. Все также щерясь, онъ присѣлъ къ жеребенку бокомъ, навелъ въ затылокъ...

— „Подъ ухо!“ — крикнулъ я, стиснувъ зубы, повернулся и — увидалъ матку.

Кобыла смотрѣла странно. Она, какъ-будто, присѣла, вытянувъ голову, выкинувъ впередъ уши...

— „Возьмите матку!“ — крикнулъ я въ ужасѣ, — и стукнулъ выстрѣлъ.

Кобыла мегнула съ ржаньемъ, сдѣлала большой кругъ и остановилась, въ дрожи, наставивъ уши. Фыркнула — потянула воздухъ и дико перемахнула загородку. Она круто остановилась передъ жеребенкомъ, замоталась, фыркнула разъ и разъ и, что-то понявъ, склонилась. Она обнюхивала его, лизала окровавленную шею, лизала губы... и странный, хрипучій стонъ, похожій на рыданье, услышалъ я, душою... Его я помню, этотъ странный звукъ. Виню себя, — забылъ о маткѣ. Увести бы надо.

Не до сантиментовъ было. Я не подаль вида. Мастеръ качалъ ногономъ, стоялъ, ощерясь, блѣдный.

— „Чистая работа!“ — сказалъ я. — „Умѣете, товарищъ „Ясный“. Вовремя скакнули, матки строгі. Теперъ я вскрою, и составимъ активъ“.

Матку едва стащили, свели въ конюшню. Я вскрылъ: гнойникъ, плевритъ, перитонитъ, — все ясно.

— „Товарищъ докторъ... и вы, товарищъ... прошу объѣдать!“ — пригласилъ насъ Ситикъ.

— „Тамъ обсудимъ“.

Въ знакомомъ кабинетѣ еще висѣлъ дипломъ какой-то, въ золоченой рамкѣ, съ отбитою коронкой; продранные стулья, чужіе будто, стояли сиротливо; дремало кожаное кресло, въ подушечкахъ, — вотъ придетъ хозяинъ отдыхать. Столъ утащили: былъ простой, изъ кухни. Курячьи кости валялись на газеткѣ, огрызки огурцовъ и хлѣба, револьверъ, Марксъ. Марксъ мохнатый висѣлъ въ простѣнкѣ, портретъ товарища Свердлова, въ вѣнчкѣ изъ безсмертниковъ, — Ситикъ былъ сантименталенъ! — конечно, Ленинъ и рядомъ — „Боярышня“ изъ „Нивы“, въ краскахъ. Туфли бѣжали по полу въ разбродѣ, висѣли на гвоздѣ подштанники. Все — пусто, гнусно, по-цыгански.

Я усѣлся въ кресло и предложилъ товарищамъ — курите: были у меня хорошія кручонки, въ вѣскомъ портсигарѣ. Взяли осторожно, какъ кошка рыбку. А я изобразилъ картинно, какъ „Ильчикъ“, мать — „Забота“, отецъ — „Ковыль“, — погибъ отъ двусторонняго плеврита, отъ крупозной пневмоніи, перитонита, менингита... Рана, при наличіи дефектовъ организма... признаки „орловца“ слабы, скелетъ недоразвился... вышло къ счастью, иначе уронъ престижа, поводъ къ критикѣ хозяйства... что, по справкамъ, есть пара жеребятъ отъ полукровокъ, лучшихъ; что рекомендовалъ бы направить одного въ „Либкнехтово“, гдѣ тов. Ситикъ, энергичнѣйшій работникъ, спеціалистъ по коневодству, имѣетъ сознательныхъ помощниковъ; что при осмотрѣ тов. „Ясный“ показала незаурядное знакомство съ дѣломъ; что...

— „Чѣмъ-нибудь дополнить, тов. Ситикъ?“

Онъ сіялъ. Чего же больше? Лучше не напишешь.

— „Геніально!“ — промолвилъ „Ясный“. — „Вы большой ученый!“

— „Три факультета... перманентная работа въ центрахъ... консультантъ при совнархозѣ... Только въ экстренныхъ случаяхъ, какъ вашъ, куда проѣдешь“... — и я загнулъ покрѣпче: — „А на васъ косятся, тов. Ситикъ! Да, да... Надѣюсь, съ моимъ докладомъ... я вношу реформы въ коннозаводствѣ... вы намъ пригодитесь“.

„Ясный“ смотрѣлъ подобострастно, дрожали пальцы. Ситикъ — восхищенно. Пошелъ распорядиться.

— „Карточку вашу, тов. „Ясный“?.. Завтра ко мнѣ заѣдетъ... я поговорю. Что бы вы хотѣли?“

Онъ прошепталъ мѣстечко. Малый былъ непромахъ!

— „Отмѣтимъ. Только... ни слова! Просьбами заваленъ!.. — я показалъ на горло, — ни слова даже, что знакомы... испортить могутъ!“

И. И. ЛЕВИТАНЪ

„НАДЪ ВѢЧНЫМЪ ПОКОЕМЪ“

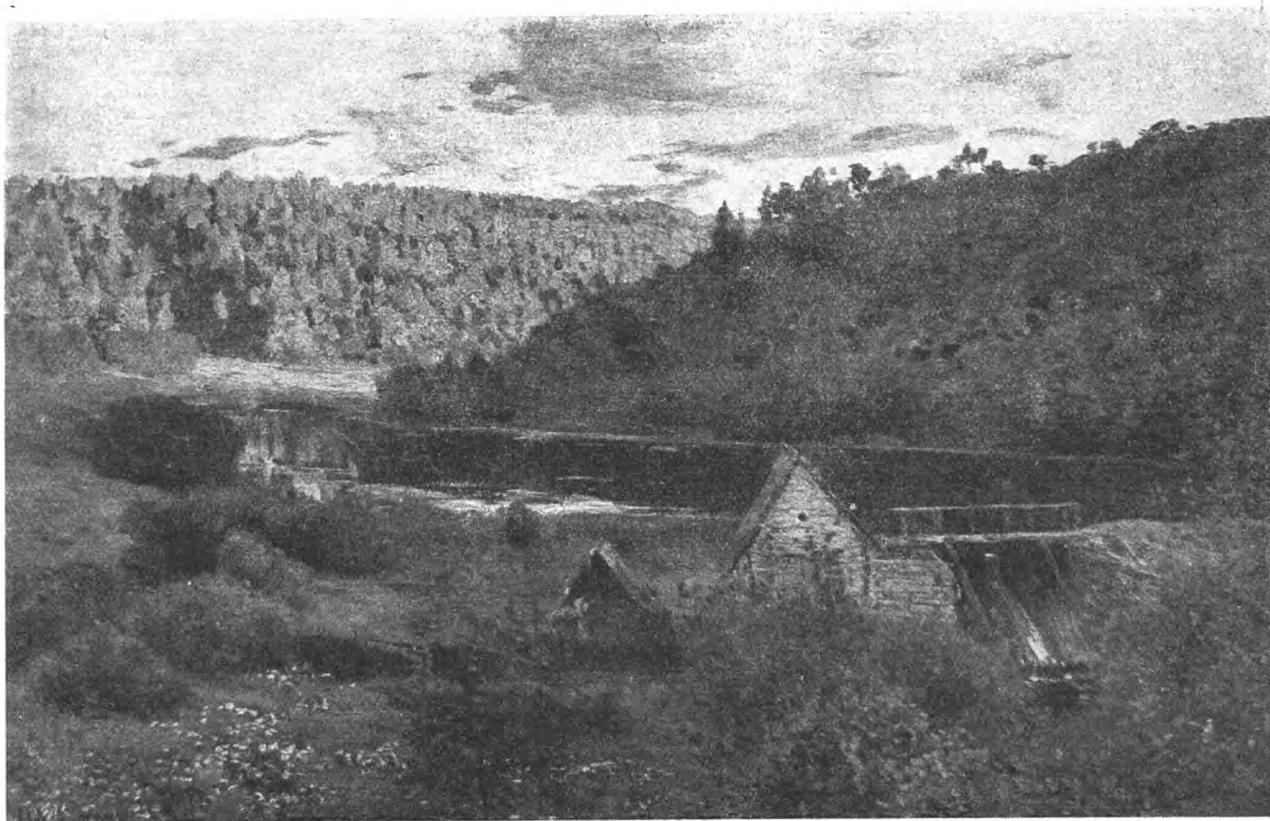
Обѣдъ былъ царскій — отбивныя котлеты, куры, борщъ съ пупками, съ печенками, пломбиръ, печкинскія сливы съ индюшечье яйцо, и — брага, вродѣ самогона. Жрать хотѣлось, но въ этомъ домѣ я не тронулъ ни кусочка: дожирали стариковъ моихъ, прошлое въ меня глядѣло. Я сослался на строгую діету, — пробить кишечникъ! — ржаные сухари да рѣдка, да полосканье спиртомъ. Очень удивились и дали рѣдки. Грызъ ее и плакалъ, подъ примочку. Думалъ, какъ бы стариковъ увидѣть. Къ допингу прибѣгнуть? Нѣтъ вѣрнѣе. И не ошибся. Они исправно жрали. Я подгонялъ на брагу, спиртъ въ резервѣ. Крѣпокъ я на спиртъ. Они совѣли. Я предлагалъ за Коминтернъ, за „мировую“, за особъ... Ситикъ былъ въ развалѣ, галчонокъ копошился, зеленѣлъ, овцой воняло отъ его кожанки. Я развелъ имъ, по-сибирски, на 70, долилъ горячей, „по рецепту...“ — назвалъ я имя, — галчонокъ встрепенулся, — и мы хватили! У „Яснаго“ глаза запѣли въ небо, Ситикъ подавился. А я — подъ рѣдку. Поднял хлысть — „даешь Европу“ — и мы хватили, безъ отказа. Галчонка завертѣло отъ „европы“, онъ поднялся, зацѣпился шпорой. Я слышалъ только — „о, товарищъ...!“ — Куда-то утащился.

— „Вы... прикажите... лошади всегда... а я...“ — Ситикъ ушелъ куда-то.

„Очи“ задремали. Я былъ свободенъ. Прошелъ по дому. Комнаты — пустыя. Сухая пальма, клѣтка безъ попугая, прострѣленный портретъ митрополита въ углу — мишень. Яблоки

гнилыя грудой, пузыри бычачьи — плавать. Комнатка „пѣвуньи-канарейки“. Одна кровать, матрасъ залитый, скоробленные сапоги, въ грязи, бабій платокъ глазастый, гребень, мыльная вода въ тазу, скверный запахъ помады кислой... „Канарейка“, Паша...! Розовая ленточка у изголовья, — отъ образка осталась. Я пошелъ. Спальня Марьи Тимофевны, пустая комната, видно по стѣнѣ, гдѣ былъ кіотъ, — сосна свѣтаѣе. Черные шнурочки съ потолка, пятна на полу — отъ пролитой лампадки. Въ воздухѣ остался запахъ — пролитой печали...? Внуконъ комнату увидѣлъ, съ кружками цѣли, углемъ, съ пульками въ носѣ отъ монтекристо, и вспомнилось, какъ дѣдъ серчалъ, потомъ махнулъ рукой. Стрѣльбѣ учились, лѣтомъ, — война была. Здѣсь жила надежда старика: „оставлю дѣло, молодые будутъ...“ Изсякли крови былого ярославца, ярославки свѣтлой. Лица вспомнилъ, свѣтлые глаза... Тамъ, храпять, другіе, пьяные глаза... „молдованъ грузинскій“, аптекарь съ пушкой... наслѣдники! А чертъ... Въ уголь пустой смотрѣлъ я, гдѣ спали внуки, мальчики — кровати изголовьями смыкались. „Ну, такъ и будетъ?“ — спросилъ я въ уголь, — „безоплатно...?“ Уголь этотъ раздвинулся, во всю Россію для меня, въ пустое... отвѣтилъ жутью. Въ открытое окно я видѣлъ садъ, уснувшія деревья, яблоньки кривыя, точки яблочъ рѣдкихъ... и синичка близко гдѣ-то, за окномъ, пищала, осенняя... Я поклонился въ уголь, пошелъ.

Вышелъ въ садъ. Недреманое око спало.

И. И. Левитанъ

„Мельница“

И. И. Левитанъ

„Озеро“

„Помѣщикъ“ появился, капитанъ хромой, — съ приглядкой.

— „Вы помѣщикъ, съ юга? — спросилъ я. Онъ потерялся, съежился, заерзалъ...“

— „Я-съ...? Собственно... въ былое вѣмя... мевкій“...

Жалко мнѣ стало ёрзу эту человѣчьяго загона. Я имъ объяснилъ, что знаю, что агрономъ мой другъ... Пошли садами. И яблоньки ходили съ нами, говорили мнѣ о прошломъ, трещины казали, дупла, знакомые изломы. Соки въ нихъ ходили, старые, бывые. Яблочки всѣ тѣ же—анись и боровинка, въ алыхъ жилкахъ, коричневое, въ точкахъ, коробковка, скрыжапель, антоновское—зелень, китайка—золотая осень. Я слышалъ голось, мягкій, ласковый, пѣвучій: „кушай, Мишанька, сиротка ты моя болѣзная... на-ка вотъ, сла-дкое...“ Я помнилъ ласковую руку,—и столько было солнца...

Теперь—мы, трое, безъ причала, хитрили, укрывались, жались. Кругомъ травили — ату! ату! Лисій хвостъ вертѣлся, дрожалъ зайчинный. И — сонно огрызался медвѣдь въ берлогѣ, — рогатиной пыряли. А человекъ... Гдѣ же — человекъ-то?!

— „Хозяева — на скотномъ? Я дорогу знаю, Не беспокойтесь, господа... и, вообще, не без-

покойтесь: — сказала я капитану. — Я здѣсь — свой. Плохо живутъ?“

— „Позоръ!“ — вдругъ крикнулъ капитанъ. „Я два раза раненъ, двѣ кампаніи... и такъ позорно..!“

Слезы у него прошибло.

— „Кричатъ какъ на мальчишку... Утромъ — рапортъ... сливки приношу... пѣночки..“

Онъ затопалъ, заплевался, — заковылялъ куда-то.

„Помѣщикъ“ затаенно засопѣлъ:

— „Кошмаръ! Если бы вы видави...“

Онъ пошелъ къ сараямъ, а я — на скотный.

IV.

Вотъ и скотный дворъ, навозъ и — мухи, мухи. День былъ погожій, мухи разгулялись. Нашатырнымъ спиртомъ пахло изъ сараевъ, — старымъ спиртомъ. Флигелекъ-людская ослѣвъ въ навозѣ, крыша золотилась ржавью, низкія окна — перламутромъ. Рябина разрослась, обвисла. Лазилъ бывало, на нее, смотрѣлъ на прудъ, какъ утки лущатся носами, бредутъ коровы, молоко несутъ, — сочится, каплетъ. Хвостами машутъ мухъ. А мухи на рябинѣ—тучатучей...

И сталъ я мальчикъ Миша. Иду къ Мат-

ренѣ... творогу сказать, на ужинѣ... Жилы-
ютъ блохи, скотникъ снялъ портки, трясетъ на
волю, а воробьи смѣются...

Я вошелъ въ казарму. Сумеречно стало,
душно. Направо, налѣво — двери. Куда? По-
шелъ направо: чище, дверь въ войлокѣ. Низ-
кій потолокъ, полати, лампадка теплится, иконы
у потолка, на полкахъ. У окна старушка, сто-
лъ, кошка на окнѣ. Я не узналъ старушку. Мона-
хиня? Сухенькая, въ кулачокъ лицо...

— „Тетя Маша!“ — назвалъ я, и голосъ
пересѣлся.

Старушка встала, приглядѣлась.

— „Кто такой... Господи Иисусе...“ — услы-
халъ я шопотъ.

Я — подъ потолокъ, подъ копотъ. Она —
внизу, держится за сто-лъ. Лампадка замигала
отъ прихода. Сердце мое забилось.

— Тетя Маша... я... ветеринаръ вашъ...
Миша...

Ротъ затынуло у меня, протянулъ къ ней
руку; она схватила, узнала Мишу... вся осѣла,
заплакала.

— „Мишанька... родной... живѣ ты, Миша...“

Сѣла она на лавку, не могла стоять. Сѣлъ
и я, поцѣловалъ холодное лицо, сухое, старче-
скія губы, обмякшія, глаза сырые. Руки по-
цѣловалъ скорузлыя, рабочія, въ проволочкахъ,
какъ будто, въ ниткахъ...

— „Тетя Маша... бѣдная тетя Маша...“

Я ревелъ, какъ баба, трясясь, рычалъ, не
могъ я... Она погладила меня по головѣ,
какъ въ дѣтствѣ, давно.

— „Даль Господь увидѣтъ... всѣхъ мы
растеряли... Ну, ничего, Господня воля...
ничего, Миша... Ну, не плачь... ну...“

Меня трясло, грудь ломило, словъ не вы-
ходило. Я стиснулъ зубы, а они разжались,
рѣзали мнѣ губы.

— „Ничего... живемъ все вмѣстѣ... все
взяли... Да что... ничего не надо... по-
теряли всѣхъ... Погоди, оправлю его...
посмотришь... Онъ у меня безногій теперь...
отходилъ, Господи... не вникаетъ, Миша...
Легче ему такъ-то... съ Покрова ужъ не го-
ворить, другой ударъ былъ... Молочко, спа-
сибо, пьеть“...

Она пошла за занавѣску, къ печкѣ, пово-
зилась тамъ. А я смотрѣлъ. Иконы смотрѣли
съ полокъ, знакомыя, ризы сняли. Голыя
иконы, а знакомы. И — портреты, рядомъ.
Внуки, сынъ, Паша, дочки, Василій Поликар-
пычъ, въ мундирѣ депутатскомъ, купеческомъ,
пуговицы въ рядъ, бѣлый поясъ, шпага депу-
тата, медаль на шеѣ, три на груди, два ордена
— генераломъ смотреть. Стаканъ шрапнель-
ный, съ войны германской. На столѣ псалтырь,
Четгы-Минеи, ломтикъ хлѣбца, — мухи...

— „Погляди, голубчикъ... Только не уз-
наетъ“... — тихо позвала старушка.

Пологъ откинулся, свѣтло въ закуткѣ, —
окошко на пруды. На крашеной кровати, —
Матрена на ней спала, въ клопахъ, — на пу-
ховикѣ, подъ ватнымъ одѣяломъ голубого шелка,
бѣлой строчки разводами, лежалъ Василій По-

ликарпычъ, красавецъ-ярославецъ, теперь —
апостоль, мученикъ, угодникъ, — какъ съ иконы,
сухой и темный, бѣлая борода, клиномъ. Свѣтъ
отъ окна сіялъ на лбу, на шишкахъ костяныхъ,
воцѣненныхъ. Спалъ Василій Поликарпычъ. Тон-
кая рубашка, голландская, была чиста, свѣжа.
Въ прорѣзѣ — жарко было въ избѣ — виднѣ-
лось тѣло, черно-мѣдный крестикъ, давній, де-
ревенскій, крестильный. Всю жизнь былъ съ
нимъ, ходилъ по всѣмъ дорогамъ...

— „Вотъ какой... Василій Поликарпычъ
нашъ... будто ушелъ“... — сказала тетя Маша.

— „Поцѣлуй его... любилъ тебя“...
Я скрѣпился, приложился ко лбу, къ рукѣ...
Онъ открылъ глаза, повелъ, пальцы зашевели-
лись, пожевалъ губами, задремалъ...

Не узналъ онъ Мишу.

— „Еще недавно говорилъ все... одно:
„ногами ослабъ“ да „больно“. А теперь мол-
чить“.

Она перекрестила, и мы пошли. Пологъ
задернулся. Какъ мощи. Отходилъ дороги
Василій Поликарпычъ, откричался, отторговался.
Я смотрѣлъ на тетю Машу. Другая, старица,
русская святая, глаза темнѣй, ушли отъ жизни,
въ душу. Ликъ строгій, вдумчивый. Русская
святая смотреть.

Мы не говорили. Все намъ извѣстно.

— „Не пойду отсюда. Будутъ гнать, лягу
на дворѣ“... — говорила она спокойно. —
„Образа вынесла. Всѣ съ нами“... — показала
она на полки, — иконы, лица. — „Съ Госпо-
домъ всегда... и наши съ нами“...

Я сталъ передъ нею на колѣни, передъ
святой, и попросилъ благословить меня. Въ
ноги поклонился. Она благословила, какъ мать
родная. Твердо, нажимая мнѣ на лобъ, на
грудь, на плечи, какъ давно, въ дѣтствѣ, она
сказала:

— „Спаси и сохрани тебя Христось и Пре-
святая Богородица! Терпи, Миша... не сда-
вайся грѣху... Господь взыскуетъ“...

Я поклонился ей — родинѣ моей въ ней
поклонился. Ушелъ какъ пьяный. Вытеръ слезы
въ сѣнцахъ. Нашелъ Матвѣича, велѣлъ закла-
дывать. Голову давило, было душно. Взялъ
свой чемоданъ. Лошади готовы. Сажусь въ
пролетку. Слышу окрикъ сзади:

— „Ужѣ?!“

Товарищъ „Ясный“, съ полотенцемъ на
крыльцѣ. Сбѣгаетъ, шпоркой звякнулъ.

— „Уже!“ — сказалъ я — и крикнулъ ста-
рику: „пошелъ!“

Бѣжали аллеей, въ кленахъ, въ листьяхъ, бу-
бенцы гремятъ глухо. За нами свѣтъ вечер-
ній, тихій, — солнце текло по кленамъ, розово
все было, мѣдно, золотисто. Золото въ са-
дахъ вечернихъ, въ берегахъ далей. Шорохъ
бѣжалъ за нами въ листьяхъ, крутился по ко-
лесамъ, съ глухарями. И было слышно ка-
кую-то пичужку, — высвистывала она робко,
грустно, будто говорила свистомъ „прощай“.

И. в. Шмелевъ

7—12 ноября, 1925 г.
Парижъ

СТАРЫЙ АРТЕМЪ

(Элегія)

Наступаль чудный сентябрьскій вечеръ. Заходящее солнце косыми лучами освѣщало деревеньку „Кроты“, гдѣ я жилъ, играло на окнахъ маленькаго сельскаго храма и какъ то терялось въ громадныхъ деревьяхъ большого парка, окружавшаго усадьбу, что виднѣлась въ концѣ деревни.

Какъ то, не такъ еще давно, сплошное веселье царило здѣсь. Теперь ничего этого нѣтъ. Окна въ домѣ заколочены, дворъ пустой, паркъ все болѣе и болѣе становится гуще, непроходимѣе, грязнѣе.

Но я любилъ этотъ забытый паркъ. Тамъ хорошо было гулять по заросшимъ аллеямъ, отдыхать на полуразвалившейся скамейкѣ, прислушиваясь къ странному, точно обиженному чѣмъ то шепоту листьевъ, тянувшихся вверхъ тополей.

Каждый свободный вечеръ проводилъ я въ оставленномъ паркѣ, наслаждаясь окружающей меня тишиной, спокойствіемъ. И въ этотъ вечеръ я также отправился туда.

Пройдя главную аллею парка, я вышелъ на довольно большую, знакомую мнѣ уже площадку, посреди которой возвышался бѣлый домъ или, какъ говорили въ Кротахъ, „дворецъ“. Здѣсь, на площадкѣ, я и присѣлъ отдохнуть.

Солнце уже сѣло. Быстро приближалась ночь. Молодой мѣсяцъ просвѣчивалъ сквозь деревья, и его мягкій, ровный свѣтъ спокойно ложился на землю, нѣжно обнимая и лаская ее, уставшую отъ дневныхъ заботъ и волнений. Тихо было кругомъ. Ни малѣйшаго вѣтерка. Не слышно было и недовольнаго шепота листьевъ. Все притаилось, ушло въ себя, прильнувъ къ великой природѣ.

Я молча сидѣлъ на своей скамейкѣ, смотрѣлъ на картину, разстилавшуюся передъ моими глазами, смотрѣлъ и ничего не думалъ, находясь въ томъ часто необъяснимомъ состояніи, которое мы называемъ „созерцаніемъ“ и къ которому, по словамъ Достоевскаго, наиболее способенъ русскій человѣкъ. Въ этомъ состояніи рѣшительно уходишь отъ самого себя, отъ своихъ мыслей, чувствованій и живешь только одной природой, безсознательно постигая ея сокровенныя тайны.

Не знаю, какъ долго я „созерцалъ бы“, если бы вдругъ какой-то мертвящій и сухой стукъ не вывелъ меня изъ забывчивости. Я вскачилъ и осмотрѣлся. Прямо передъ моими глазами, на освѣщенной площадкѣ, почти возлѣ самага дома двигалась какая то темная фигура. Она подымала руку, ударяла во что то и производила разбудившій меня стукъ.

Я снова опустился на скамейку. Фигура была мнѣ знакома и носила извѣстное всѣмъ и каждому въ нашей деревнѣ имя „старога Артема“.

Вотъ уже минетъ скоро пятнадцать лѣтъ, какъ этотъ „старый Артемъ“ каждый вечеръ и каждую ночь обходитъ съ деревянной колотушкой пустой домъ и стучитъ, упорно стучитъ, напоминая всѣмъ въ деревнѣ о тѣхъ господяхъ, которые когда-то жили здѣсь, среди этого дивнаго задумчиваго парка.

— Кого ты сторожишь? — спрашивали не разъ Артема его односельчане.

— Домъ, — тихо отвѣчалъ онъ.

— Да вѣдь въ немъ никто теперь не живетъ.

— Ха, ха, ха, — странно смѣялся старый Артемъ. — Никто не живетъ!.. — и, покачивая головой, съ иронической улыбкой на губахъ, онъ медленно отходилъ прочь, и долго еще въ отдаленіи можно было слышать его сдавленный смѣхъ.

— „Старый Артемъ“ тронулся, — рѣшили „кротовцы“ и оставили его въ покоѣ.

Темная фигура, скрывшаяся было за домомъ, снова показалась на освѣщенной площадкѣ. Теперь она молча стояла и, казалось, смотрѣла на луну.

— Артемъ, — окликнулъ я старика, — иди сюда!

Фигура, не торопясь, подошла ко мнѣ.

— Сторожишь?

— Сторожу.

— Садись.

Артемъ сѣлъ. Это былъ высокій, худой старикъ. Длинная, но рѣдкая сѣдая борода покрывала почти все его лицо, на которомъ глаза сидѣли гдѣ то очень далеко, по крайней мѣрѣ, ихъ самихъ не было видно, — чернѣлись только глубокія ямки, окутанныя сѣроватыми, нависшими бровями. Одежда на Артемѣ не сидѣла, а что называется, висѣла, словно на вѣшалкѣ, и самъ онъ своей фигурой былъ также чрезвычайно похожъ на эту вѣшалку.

Старикъ, молча, сидѣлъ возлѣ меня, опустивъ голову. Длинная деревянная доска лежала у него на колѣняхъ.

— Ты еще будешь стучать? — обратился я къ нему съ вопросомъ, отвѣтъ на который былъ мнѣ собственно уже извѣстенъ. Нужно вѣдь было какъ нибудь разговориться.

— Да, баринъ. Нельзя не стучать, нельзя. Обидится, обидится...

— Кто?

— Хе, хе, хе, — и Артемъ тихо засмѣялся, приподнявъ голову. — Барышня моя обидится...

— Какая?

— Вѣра Константиновна... Хорошая она... На рукахъ носилъ... Господи... Бывало, прибѣжить въ садъ и ущѣпится за бороду... Ущѣпится и тянетъ... Смѣется... Потомъ вдругъ сядетъ возлѣ меня, и чтобъ я сказки ей, значить, рассказывалъ... Иногда изъ дому папиросочку стащить и мнѣ принесть... Такъ и выросла она... Большая стала... Въ Питерѣ училась... Изъ столицы трубку мнѣ привезла... Вотъ она, — и старикъ дрожащими руками началъ вытаскивать изъ кармана. — Нѣтъ сейчасъ, дома оставилъ...

— Послушай, Артемъ, — перебилъ я, наконецъ, его, да вѣдь барышня Корсаковская уже лѣтъ пятнадцать, какъ умерла...

— Умерла, умерла... Помню... Привезли ее изъ Италиі... Не узналъ... Только глаза горять... „Умираю, Артемъ“, говоритъ мнѣ. — „Зачѣмъ, барышня, — отвѣчаю, — живите...“ — А самъ, самъ плачу... Умерла... Передъ смертью меня позвала: — „Сторожи меня, Артемъ, — говорить, могилу мою сторожи... Буду сердиться на тебя,“ — а сама смѣется, такъ и смѣется. — „Слѣдить буду за тобой, вѣрно ли сторожишь“... Похоронили...

— Что же, она слѣдить? — осторожно спросилъ я умолкнувшаго старика.

— Какъ же, какъ же... вдругъ странно заторопился онъ. — Слѣдить... Только вы никому объ этомъ не говорите... Не нужно.

Пускай народъ не пугается... Какъ же... Видите ли вонъ тамъ окно? — и старикъ показалъ мнѣ большое окно, находящееся на самомъ верхнемъ этажѣ. Это окно не было забито досками. — Тамъ, оттуда барышня, — продолжалъ онъ, каждую ночь слѣдить за мной. Стучить, чтобъ я, значить, помнилъ свое дѣло... Ну, да я хорошо смотрю... До сихъ поръ ни одной ночи еще ня пропустилъ...

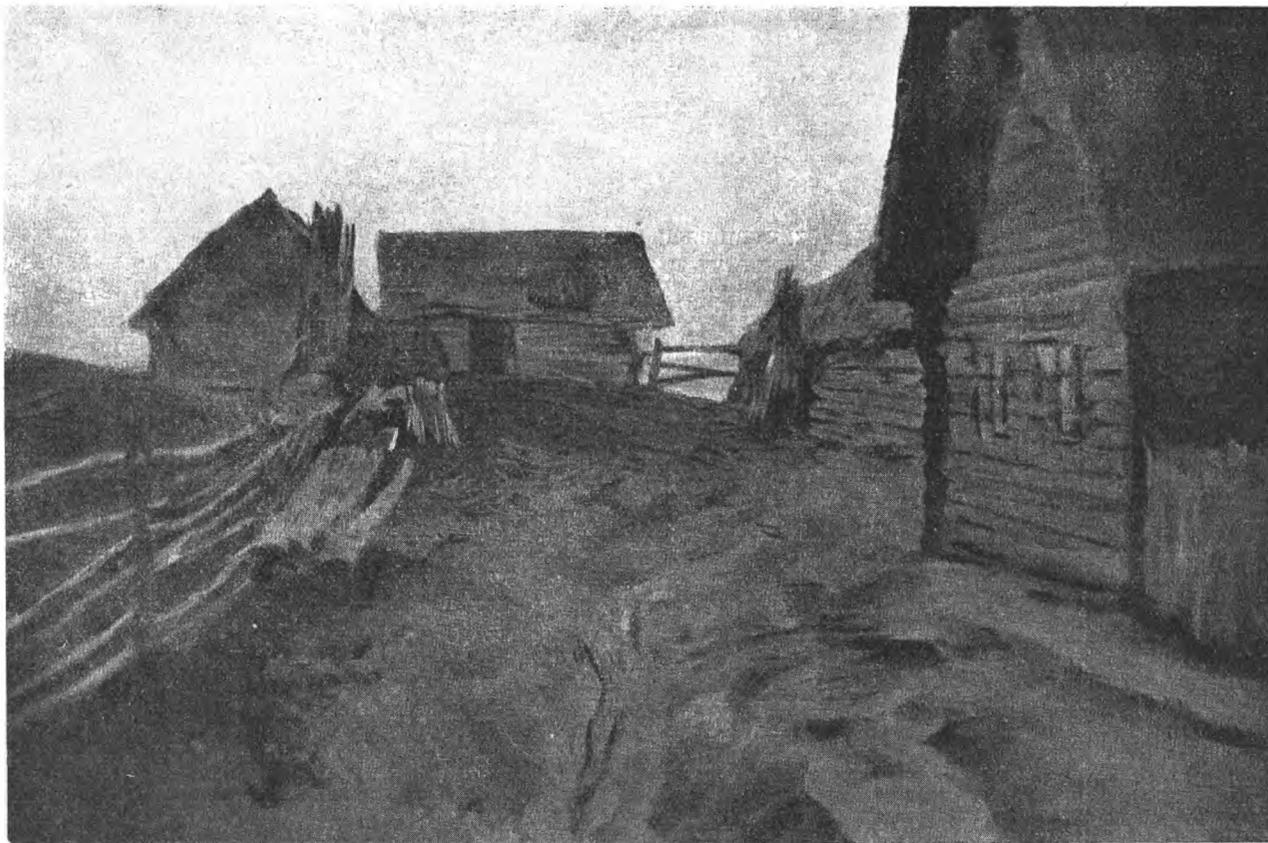
Артемъ снова умолкъ. Я смотрѣлъ на окно, которое въ это время было ярко освѣщено луннымъ свѣтомъ. Вдругъ гдѣ то пропѣлъ пѣтухъ. Старикъ поднялся.

— Иду стучать, сказала она. — Барышня уже наверху. Будетъ сердиться. Прощайте.

И Артемъ медленно пошелъ къ дому. Но что это? Ясный, отчетливый звукъ стекла, въ которое чѣмъ то бьютъ, пронесся въ воздухѣ. Я вскочилъ съ мѣста. Звукъ повторился. Какая то фигура показалась у самого дома, и знакомый мнѣ стукъ уже въ деревянную доску огласилъ всю площадку...

Я пошелъ изъ парка. Было уже довольно поздно. Подойдя къ воротамъ усадьбы, я остановился и прислушался. Мѣрные, мертвящіе и сухіе звуки неслись изъ глубины забытаго сада. Это стучалъ „старый Артемъ“, сторожа свою барышню.

Н. Хоревой

И. И. Левитанъ

„Избы“

А. АДЪЕВЪ

ЕЩЕ ОДИНЪ БЕЗДОМНЫЙ ГОДЪ...

Еще одинъ бездомный годъ...
И, можетъ быть, такихъ бездомныхъ
И три, и пять еще пройдетъ
Среди дорогъ туманно-темныхъ...
И, можетъ быть, однѣ слова,
Однѣ лишь пѣсни вѣтровыя,
Что гдѣ-то есть еще Москва,
Что гдѣ-то молится Россія...
.
— Но нѣтъ, — я вѣрую, — живетъ!
Въ тиши тоскующихъ безсонницъ
Издалика плыветъ-поетъ
Малиновый гуль бѣлыхъ звонницъ...
И почему же до сихъ поръ
Измученной душѣ такъ любви
Кремля, многовѣковый боръ,
Скиты и избянные срубы...
Пусть, пусть тамъ распростерся крестъ,
Какъ на кладбищенскомъ безлюдьи,
Пусть червь могильный жадно ѣстъ

Ея изсохнувшія груди, —
А все таки Она живетъ!
И все таки живетъ и дышетъ,
И — слышите, — Она зоветъ,
И мѣдный зовъ плыветъ все выше...
О, минетъ день и минетъ часъ
Великопостныхъ покаяній —
Осушить слезы добрыхъ глазъ
Обрядъ пасхальныхъ цѣлованій...
И на воскреснувшую Русь
Перекрещусь я богомольно,
Нетлѣнныхъ бѣлыхъ ризъ коснусь, —
И станетъ радостно и больно...
.
Прошелъ...
— Прошелъ бездомный годъ...
И, можетъ быть, такихъ бездомныхъ
И три, и пять еще пройдетъ...
Ну, что жъ.
— Такихъ не будетъ темныхъ...

А. Адъевъ
1925

А. ДАМАНСКАЯ

Я НЕ ХОЧУ...

Началось съ того, что радуга раскинувшаяся надъ деревенскимъ домомъ, угасла раньше чѣмъ Дима успѣлъ налюбоваться ею. Дима расплакался и закричалъ: „Я не хочу... Не хочу...“

Старшіе утѣшали и смѣялись. Димѣ было тогда пять лѣтъ. Онъ слышалъ потомъ, какъ мать объ этомъ рассказывала гостямъ и по ихъ смѣху, по тому, какъ трепали его кудри, щипали его кругленькій съ ямочкой подбородокъ, онъ смекнулъ, что не хотѣтъ это хорошо, и всѣмъ доставляетъ удовольствіе. И доставлялъ его — не за страхъ, а за совѣсть...

Однажды сооружая изъ кубиковъ фейный дворецъ на террасѣ, услышалъ... фальшиво играла въ залѣ старшая сестренка на рояли. Не понравилось, дворецъ строить мѣшало, крикомъ „не хочу“... воробьевъ спугнулъ, коту разбудилъ, сестренку рассердилъ, а дворецъ, конечно, во всѣ стороны...

Въ другой разъ, этимъ „не хочу“... всѣхъ сконфузилъ, даже скандалъ вышелъ. Гости понаѣхали, среди нихъ злющая одна дама, отцвѣтающая, жизнью не насытившаяся, и что то такое Димѣ не понравилось, какъ она глаза шурила,

какъ губами шевелила, слушая веселый рассказъ краснощекой хохотушки Нади, любимой тетки Димы. И, долго не думая, ткнулъ въ гостью пальцемъ, и свое „не хочу“... такъ провизжалъ, всѣ поняли... Не очень эту даму обожали. Тогда, однако, Диму наказали... битыхъ сливокъ не дали. Но когда уѣхали гости и весь домъ уснулъ мать долго бродила изъ конца въ конецъ по каменной террасѣ, останавливалась у бѣлыхъ колоннъ, вслушивалась въ свое сердце, въ смутную о сынѣ тревогу...

Ясно вспомнилась ей эта ночь нѣсколько лѣтъ спустя, когда въ одинъ холодный осенній день, Дима безъ фуражки, безъ пальто прибѣжалъ изъ гимназіи съ плачемъ: „Я не хочу... Не хочу...“ Товарищъ предалъ... на какую то проказу подбивалъ, убѣдилъ и подвелъ. Шалость была вздорная, и наказаніе проказникамъ грозило пустяшное. Но Дима своего двѣнадцатилѣтняго друга Митю Кирова называлъ замѣчательнымъ человѣкомъ, фуражку нахлобучивалъ, какъ Митя Кировъ, волосы стригъ бобрикомъ, какъ Митя Кировъ. Измѣна была ударомъ. И долгій мѣсяцъ послѣ этого дня Дима избѣгалъ встрѣчъ

съ измѣнникомъ, а дома все топтался около матери, прижимался къ ней, какъ совсѣмъ, совсѣмъ маленькій, говорилъ съ ней о судомойкиномъ сынѣ, оставшемся въ деревнѣ, о покойномъ садовникѣ Ливонушкѣ, о двухъ тополяхъ передъ террасой деревенскаго дома, которые, давно ли, были совсѣмъ такіе... Дима чуть чуть приподнималъ ладонь надъ своей головой... а теперь уже вотъ какіе... и Дима пальцами вверхъ вытягивалъ руку... Мать внимательно поддерживала разговоры, было ясно: Дима отъ тяжелой дѣйствительности искалъ забвенія въ прошломъ.

Еще нѣсколько лѣтъ пролетѣло. По Большому Проспекту на Петербургской сторонѣ красноармейцы гнали толпу юношей, бѣлокурыхъ и темноволосыхъ, блѣдныхъ какъ смерть, и съ небѣжавшимъ еще съ щекъ румянцемъ, юнкеровъ... Дима, за два дня до того по болѣзни отпущенный съ фронта, стоялъ на тротуарѣ среди сотенъ другихъ и смотрѣлъ. Рядомъ съ нимъ полная женщина въ ватной кофтѣ и платочкѣ на головѣ часто крестилась, что то приговаривала, и вдругъ, умолкнувъ, повернулась къ нему, и крѣпко сжала его локоть... „Чего не хочешь, милый, чего...?“ И, подталкивая впередъ вывела изъ тѣсной толпы. Такъ довела домой, гдѣ мать въ траурѣ по мужѣ укладывала, укрывала, и какъ та женщина въ платочкѣ, повторяла: „Чего не хочешь, милый, чего...“ И тоже отвѣта не ждала.

Отъ долгой болѣзни мать выходила, и насто-

яла... тутъ же Димино „не хочу...“ съумѣла заглушить... на югъ отправила, къ друзьямъ надежнымъ. И кануль Дима, какъ въ воду...

Когда, три года, для матери три вѣка спустя—вѣтеръ попутный занесъ въ квартиру на Каменноостровскомъ смятый листокъ, исписанный Диминой рукою, мать едва на него взглянувъ, на второй строкѣ прочла „я не хочу“... И дальше опять, и еще — „не могу“... Дима многого не хотѣлъ и не могъ... узнала она изъ его письма. А писалъ онъ въ дни жестокой гражданской войны на югѣ Россіи, гдѣ одно правительство смѣнялось другимъ, и одни облеченные законной властью палачи другими... И оттого, что Дима не хотѣлъ и не могъ, онъ рѣшилъ уѣхать за границу, гдѣ...

Дальше не дочитала, и ея, совсѣмъ такое, какъ Димино „не хочу, не хочу“... услышала только сестра Димы, та самая, что когда то фальшиво, а теперь совсѣмъ хорошо играла на рояли... Такъ хорошо, что въ кинематографахъ подъ самыя трагическія и самыя комическія картины наигрывала, и еще тапершей звали въ танцульки и она ходила, а возвращаясь домой, говорила много, громко, шумно переодѣвалась и, матери не глядя въ глаза, рассказывала: „Да, что же... Такъ танцуютъ, всякіе тамъ... конечно, не виконты и не маркизы...“

Въ одинъ такой вечеръ, когда тонколицая, сѣроглазая, бѣлокурая сестра Димы въ закурен-

И. И. Левитанъ

„У омута“

И. И. Левитанъ

„На Сѣверѣ“

ной заплеванной „танцуйкѣ“ въ Кузнечномъ переулкѣ, не поднимая глазъ съ клавиатуры, наяривала фокстроты и дшимми для не виконтовъ и не маркизь, Дима шель крутой горной дорожкой изъ Гослара въ Лаутенбургъ, гдѣ уже полгода работаль шахтеромъ. Въ Гарцъ попалъ онъ изъ Кенигсберга, а въ Кенигсбергъ рабочимъ на аэродромѣ увезъ его знакомый летчикъ изъ Варшавы . . .

Дима провожалъ товарища, тоже русскаго, тоже бывшаго русскаго офицера — тому удалось сколотить немного денегъ на переѣздъ въ Парижъ, куда горячо клялся выписать и Диму. Въ Госларѣ они бродили по узкимъ живописнымъ улицамъ, останавливались передъ древними домиками съ выцвѣтшими фризами, которыми любовался всегда Гейне, долго стояли передъ накупившимся темнымъ „домомъ Ахтермана“, съ сѣдыми башенками, и далеко видною надписью на одной изъ старыхъ стѣнъ: „Нашъ позоръ, ихъ версальскій договоръ“. потомъ сидѣли въ обшитомъ рѣзнымъ дубомъ

сводчатомъ залѣ, гдѣ сиживаль Листъ, Гете, именитые французскіе эмигранты, позднѣ Гейне и Бисмаркъ . . . Здѣсь Дима съ своимъ товарищемъ пили пиво и, стѣснясь своихъ затрапезныхъ куртокъ, своихъ цвѣтныхъ рубашекъ и пыльныхъ башмаковъ, оглядывали нарядную, шумную публику — иностранцевъ и нѣмцевъ, наполнявшихъ залъ. Было нѣсколько человекъ, молодыхъ еще съ болтавшимся справа или слѣва рукавомъ, кое-кто на костыляхъ—жертвы войны. Было нѣсколько женщинъ въ траурѣ. Отъ сосѣднихъ столиковъ, заставленныхъ явствами, бутылками, серебряными ведерками, долетали отрывки перекрестныхъ разговоровъ — и міровая катастрофа, и невыносимые налоги, такъ долъше нельзя . . . На пальцахъ, поднимавшихъ хрустальныя рюмки, сверкали камни, голоса заказывавшіе предупредительно наклонявшимся гарсонамъ въ фракахъ, звучали увѣренно и властно, на женщинахъ шуршали шелка, звенѣли браслеты и подвѣски. Дима съ товарищемъ смотрѣли, слу-

шали и тихо, опасно, почти шопотомъ говорили о томъ, какъ легко коснулась этихъ людей катастрофа, закинувшая ихъ обоихъ, не туристами, а шахтерами въ этотъ чуждый имъ Гарць, и отчего такъ вышло . . . Товарищъ Дима, дергая темную щетинку надъ тонкими губами, повторялъ то, что повторялъ уже много разъ о неизбежности и естественномъ ходѣ вещей, и Дима, не соглашавшійся съ нимъ, и всегда ему возражавшій, въ этотъ вечеръ не возражалъ. Онъ зналъ, что въ ближайшее утро знакомый, высокаго тембра голосъ не разбудитъ его „Дима вставать!“ и при спускѣ въ черный колодезь шахты онъ не услышитъ: „Дима, осторожно!“ Онъ не возражалъ. Проводивъ друга, онъ пошелъ еще въ городъ, купить папирсъ, заплутался въ сѣти переулковъ со спавшими, невысокими домиками, подъ низко нахлобученными крышами. Въ концѣ одного переулка, узкаго и чернаго, какъ подземный каналъ, неожиданно раскрылась передъ нимъ большая безлюдная площадь. Широкимъ кругомъ стояли безмолвные густолиственные платаны, закрывавшіе рѣдкіе уже городскіе огни. Древній храмъ посреди площади высоко къ небу поднималъ заостренныя башенки. Гдѣ то близко съ однозвучнымъ плескомъ бѣжалъ по каменистому руслу Океръ. Дима сѣлъ на холодную каменную скамью, прислонился къ стволу платана, и закрылъ глаза. На недалекой ратушѣ заиграли часы. Дима вытянулся, открылъ глаза. Какой то старинный хоралъ играли часы, кроткій и печальный, похожій на фугу Баха, которую часто играла сестра его, Леля . . .

Въ тѣ самыя мгновенья, когда Дима на одинокой площади въ Госларѣ слушалъ звонъ древнихъ часовъ, на тысячу миль отъ него, въ углу жаркой, дымной, душной „танцующей“, въ Петербургѣ въ Кузнецкомъ переулкѣ, Леля, комкая въ пальцахъ платокъ, говорила завѣдующему плотному, желтоволосому человѣку, съ гладкимъ мясистымъ, потнымъ лицомъ, въ военной, туго обтягивавшей его плечи и спину курткѣ. „Я васъ очень прошу . . . Вы имъ скажите, пожалуйста, чтобы это больше не повторялось . . . Я здѣсь только для того, чтобы играть танцы, или же . . .“ Завѣдующій смущенно вертя напомаженной, разочесанной на проробъ головой, успокаивалъ. „Ну, что вы, право, ну пошутить, товарищъ . . . Не зловредно, могу завѣрить . . . Но я скажу, будьте надежны . . .“ Леля вернулась къ піанино.

Вспоминая эту ночь, Дима никогда не могъ объяснить себѣ, отчего, сидя подъ платаномъ, и слушая торжественный звонъ часовъ, онъ такъ долго и страстно шепталъ: „Не хочу . . . Не хочу . . . Не хочу . . .“ Послѣдній поѣздъ онъ пропустилъ, и въ свою деревушку надъ Госларомъ шелъ уже пѣшкомъ, большими шагами и съ одной мыслью — о завтрашнемъ днѣ, о томъ, чтобы не проспать и не опоздать на работу.

А слѣдующій листопадъ Дима встрѣчалъ уже въ Парижѣ, гдѣ вѣрный другъ Лежневъ свое мѣсто уступилъ — счетчика въ одной русской конторѣ, а самъ на другое, въ Тулонъ перекочевалъ. Подсчитывать, записывать было легче, чѣмъ стучать молотомъ въ желѣзномъ рудникѣ,

но комната въ дешевой гостинницѣ на бульварѣ Гарибальди была хуже той, что снималъ онъ въ Лаутенбургѣ у фрау Люнеке, съ окномъ на густо-хвойный горный лѣсъ, и голоднѣе было, и утомлялъ шумъ большого города. Парижъ . . . онъ видѣлъ снаружи дворцы, щегольскіе особняки, видѣлъ снаружи автомобили, въ которыхъ сидѣли нарядные люди, красивыя женщины . . . Этотъ Парижъ вихремъ многоцвѣтнымъ, яркимъ, многозвучнымъ носился мимо него. Путь его, ежедневный, отъ бульвара Гарибальди до площади Вагонъ Лазарь шелъ черезъ подземелья метро, вагонами, биткомъ набитыми въ утренніе и вечерніе часы рабочимъ людомъ, и эти подземелья, вагоны и озабоченныя, не доспавшія, что то додумывающія лица утреннихъ и вечернихъ спутниковъ, часто переносили его мысли въ Гарць, въ шахты, въ сѣрья клѣтки лифтовъ, съ живымъ грузомъ погружавшіеся въ черныя бездны . . .

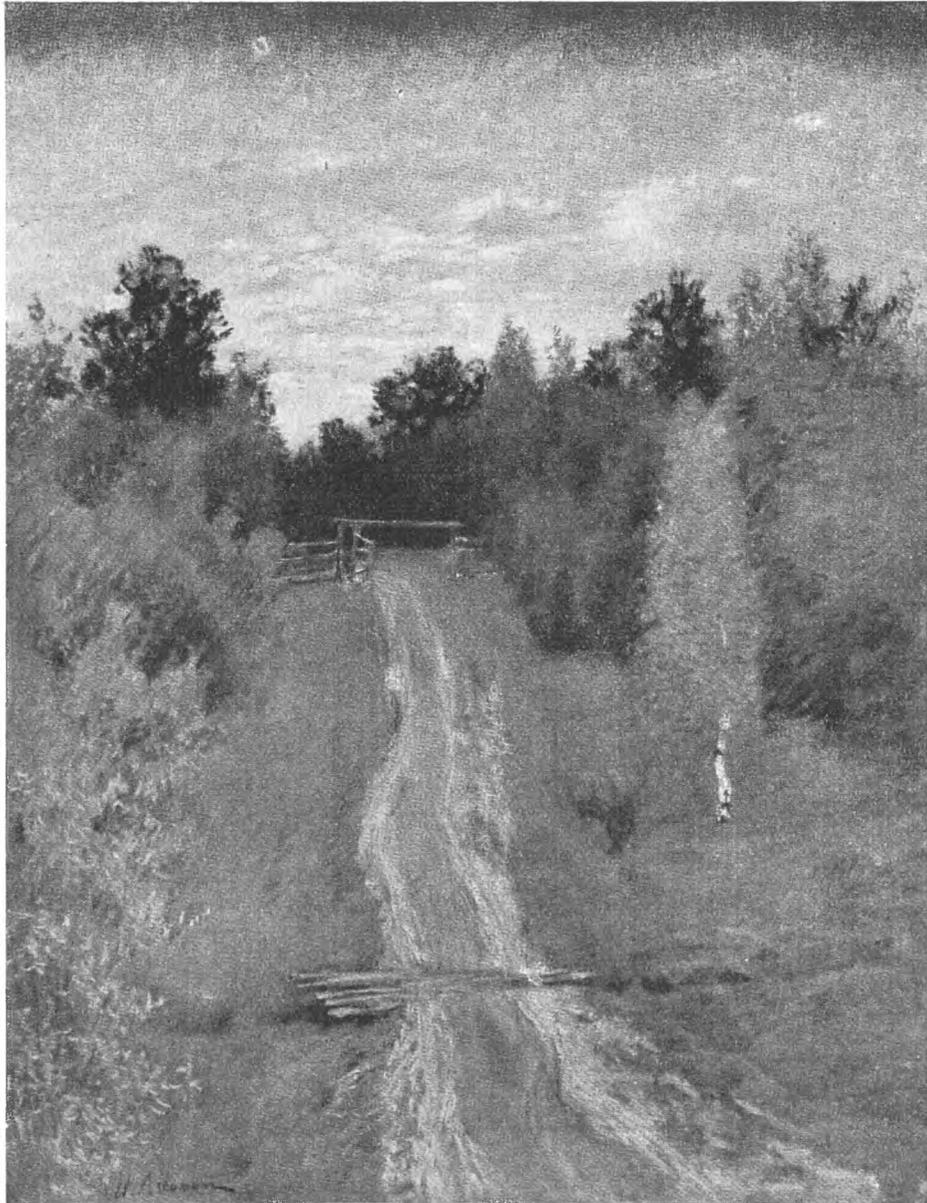
Въ Парижѣ узналъ Дима о смерти матери и въ Парижѣ извѣдалъ хворь, по змѣиному незамѣтно, коварно вошедшую въ его кровь, и сообщить не успѣлъ, что такое съ нимъ дѣлается . . . въ больницѣ очнулся.

Миловидная, синеглазая молоденькая сестра ласково передразнивала его, когда онъ сталъ выздоравливать, спрашивала, кто это такимъ смѣшнымъ именемъ называется — онъ такъ часто повторялъ въ бреду: „Некачу . . . Некачу . . .“

Похудѣвшій, съ одухотвореннымъ болѣзнью лицомъ, привлекающимъ женскіе взгляды, стоялъ однимъ вечеромъ Дима передъ большимъ зазывнымъ плакатомъ кинематографа. Въ программѣ была героическая исторія одной собаки, что то комическое и что то трагическое, но приковало глаза Димы то, что сулили „аттракціоны“, русскіе танцы въ исполненіи русскихъ танцоровъ, Ксеніи и ея партнера . . . Этотъ обозначенъ былъ тремя звѣздочками. Дима прищурился, соображая сколько останется на завтра, если онъ истратитъ три франка на билетъ — оставалось безъ малаго столько же. Онъ бодро шагнулъ къ окошечку кассы и взялъ билетъ.

День былъ субботній, и большой съ низкимъ потолкомъ залъ переполненъ. Много простого люда, рабочихъ, солдатъ. Передъ Димой нѣсколько туго стянутыхъ въ талии сизо-синихъ шинелей, коротко остриженныхъ головъ подъ темными беретками. Еще только на экранѣ мелькали рекламы о шоколадѣ, о зубочисткахъ, о ваксѣ, а уже отъ дыханія и дыма плыла надъ головами красноватая синяя мгла. Въ одномъ, въ другомъ углу зала громко кашляли и отхаркивали першившій въ горлѣ табакъ.

Собака, увѣковѣченная на экранѣ и впрямь являла чудеса отваги и самоотверженности, громко смѣялись въ залѣ веселому фарсу, гдѣ влюбленные падали съ крыши въ объятія своихъ избранницъ, младенцы съ крутыхъ бережныхъ безъ всякаго для себя вреда летали вмѣстѣ съ колясками въ широкія рѣки, и жандармы тщетно старались изловить остроумныхъ проказниковъ и находчивыхъ мошенниковъ . . . Дима, разом-

И. И. Левитанъ

„Дорога“

лѣвая отъ тепла, отъ духоты, тихо улыбался... Голова его кружилась.

Когда отодвинулся отъ рампы экранъ, оркестръ заигралъ что то тягуче-томное, зрители подтянулись, насторожились. Выпрямился, поддался впередъ и Дима. На сцену выбѣжала изъ за красной бархатной занавѣски русская танцовщица, Ксенія и вслѣдъ за нею ея обозначенный звѣздочками кавалеръ. На ней были три расшитыхъ блестками оранжевыхъ оборки, и двѣ черныхъ бархотки, переплетавшихся на голой груди и на голой спинѣ. Партнеръ ея въ черномъ трико, перепоясанный алымъ шелковымъ шарфомъ вскинулъ ее въ воздухъ, и, заболтавъ голыми ногами, разметавъ руки крыльями, русская танцовщица играя глазами, улыбаясь, мотая завитою стриженной головой, изогнулась, и повисла на локтѣ партнера, прыгнула на полъ, и не успѣла сдѣлать

двухъ па, какъ опять подхватилъ ее кавалеръ, и показалъ ее съ другой стороны, въ другой позѣ, смѣлѣе и безыжѣе...

Солдаты, сидѣвшіе впереди Димы, заерзали, наклонялись другъ къ другу, перешептывались... Дима, вытянувшись, черезъ ихъ головы смотрѣлъ, стиснувъ зубы...

Дѣвушку одну, сестру милосердія въ Россіи, на фронтѣ, чье имя лишь разъ, въ ночной бесѣдѣ съ матерью рѣшился назвать, воскресила передъ нимъ эта танцовщица Ксенія. Меньше ростомъ, полнѣе, моложе... но то же лицо, тѣ же глаза, тѣ же губы, оскверненныя заученной развратной улыбкой. Что партнеръ ея, длинноногій, съ вывороченными въ стороны колѣнями, прямой, какъ доска, съ холоднымъ породистымъ сѣро-глазымъ лицомъ, бывший русскій офицеръ, кавалеристъ, Дима зналъ, едва на него взглянулъ.

Онъ прикусилъ нижнюю губу, прищурился, старался вспомнить, гдѣ видалъ, гдѣ встрѣчалъ... Въ тотъ мигъ, когда танцоръ, изображавшій охотника, перекинулъ Ксенію, добычу, черезъ плечо, и отставшія оборки обнажили ее всю до пояса, два солдата, сидѣвшіе рядомъ съ Димой, захохотали, одинъ чмокнулъ губами, сочное одобрение, въ которомъ Дима понялъ одно лишь слово „gusse“... вылетѣло вмѣстѣ съ брызгами слюны изъ ихъ лоснившихся отъ удовольствія губъ... И въ слѣдующій мигъ оба испуганно обернулись на вопль, раздавшійся тутъ же, подлѣ нихъ. Танцовщица, соскользнувъ съ спины парт-

нера, убѣжала за занавѣску, палочка дирижера задержалась въ сине-дымномъ воздухѣ. Служащіе въ ливреяхъ бросились къ дергавшемуся въ истерическомъ припадкѣ зрителю и вывели изъ зала. Опять заиграла музыка, опять выпорхнула на сцену Ксенія въ трехъ желтыхъ оборкахъ.

Полицейскіе, добивавшіеся адреса отъ неприятнаго зрителя, едва не вызвавшего панику своимъ дикимъ воплемъ, раздраженно пожимали плечами и ругались. „Я не хочу“ — такой улицы на планѣ Парижа не значилось.

А. Даманская

П. АВДѢВЪ

МЫШИ ГРЫЗУТЪ ФОЛІАНТЫ...

Мыши грызутъ фоліанты...
 Мыши грызутъ гобелены...
 Плачутъ въ гостинной куранты...
 Думаютъ бѣлыя стѣны... —
 Думаютъ зимнія думы
 Подъ оснѣженной крышей...
 Смутные шорохи — шумы
 Тише, все тише... и тише...
 Дрема ползетъ изъ потемокъ...
 Сумерки гуще нависли...
 Тихо мурлычетъ котенокъ...
 Тихія нижутся мысли...

Вдругъ: — „А скажи-ка мнѣ, няня:
 Плачетъ ли въ гробѣ покойникъ?..“
 Спицею палецъ израня,
 Дрогнулъ старушій повойникъ...
 Дрогнули искры въ каминѣ, —
 Тѣни метнулись за вспышкой...
 — „Няня, — ты слышишь? — скажи мнѣ:
 Плачетъ ли мертвый подъ крышкой!..“

.....
 Мыши грызутъ фоліанты...
 Мыши шуршатъ въ гобеленахъ...
 Въ бѣлыхъ прадѣдовскихъ стѣнахъ
 Жалобно стонутъ куранты...

П. Авдѣевъ

И. И. Левитанъ

„Остатки былого“

ИЗЪ АЛЬБОМА ЖИРОНДЫ

ПРОСТАЯ ЖИЗНЬ

Голые, безлистые виноградники. Голыя купы дубовъ, акацій и каштановъ, разбросанныя по холмамъ. Дождь, надоѣдливый и холодный, смѣняющийся солнечнымъ блескомъ, подъ которымъ, кажется, крупными слезами плачутъ безлистые виноградники. Это — зима. Холодный вѣтеръ тянетъ съ запада, съ океана. Онъ близокъ отсюда, — безграничный, таинственный и живой. Только два раза въ сутки дышитъ онъ тяжкимъ дыханіемъ. И когда выдыхаетъ онъ воздухъ, мутныя волны Гаронны бѣгутъ на нѣсколько десятковъ верстъ назадъ, а когда вдыхаетъ, онъ стремятся, торопясь, къ его груди. Уныль и грустенъ пейзажъ короткаго зимняго дня въ Жирондѣ. Но чуть перестанетъ дождь, мужчины выходятъ изъ дома. Вы слышите кругомъ близкій и отдаленный, однообразный лязгъ ножницъ.

— Тикъ... тикъ... тикъ...

Идетъ обрѣзка винограда. О, это цѣлая наука! Старые виноградари знаютъ, какъ это дѣлать, и какой кустъ какъ и насколько обрѣзать. Только вотъ мало ихъ остается, этихъ старыхъ виноградарей, а молодежь бѣжитъ въ города. Да, что-то будетъ потомъ, если забросятъ многовѣковая традиція этой работы? А разъ настала зима, виноградъ надо обрѣзать.

— Тикъ... тикъ... тикъ...

Утопая въ сабо по размякшей землѣ, я подхожу къ Жиро, моему старому пріятелю. Издали я вижу его согбенную фигуру и слышу лязгъ его ножницъ. Онъ старъ, ему восемьдесятъ три года, онъ останавливается, чтобы отдохнуть и не прочь поговорить во время отдыха, и я люблю его слушать. Передо мной проходитъ тогда его долгая жизнь.

— Видите ли, вотъ такъ я цѣлую жизнь... Одинъ виноградъ и ничего больше. Но вѣдь я люблю его, очень люблю. Онъ живой, и съ нимъ круглый годъ надо нянчиться, какъ съ ребенкомъ. Обрѣзка, мотыжка, сульфатажъ, — мало-ли! И чтобы получить хорошее вино, — сколько заботъ. Но вѣдь лучше нашего вина нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ. Старъ вотъ только я становлюсь. Вы знаете, я женился еще при императорѣ. Да, тогда былъ еще Наполеонъ третій. И не знаю, какъ вамъ сказать, — говорятъ, старики старое хвалятъ, — а жизнь тогда, кажется, была лучше. Главное, повѣрьте мнѣ, тогда больше работали и больше любили работу. И все было дешевле, теперь странно и думать, точно все было даромъ. Все вѣдь дѣло жизни — въ работѣ... А потомъ вдругъ случилась война. Вы вѣдь знаете, какъ насъ тогда разгромили нѣмцы. И правительство измѣнилось и новые порядки во всемъ пошли. Не сразу, а опять

было наладилась жизнь, и вотъ опять эта война. Боже мой, все говорятъ проклятые боши! Конечно — они. Но вѣдь и мы сами... Трудно это разобрать, и до сихъ поръ другъ на друга все сваливаютъ. Я такъ думаю, — дѣло Божіе. Только вотъ въ Бога-то мало вѣрятъ, развѣ женщины, да и то больше старыя. Трудно понимать дѣла человѣческія.

Онъ начинаетъ работать. Я присаживаюсь на камнѣ съ моими одинокими думами. Уходить не стоитъ. Все равно черезъ полчаса онъ присядетъ ко мнѣ отдохнуть.

— Тикъ... тикъ... тикъ...

— Видите ли, я живу одинъ со старухой. Мы вѣдь и золотую свадьбу съ ней справили. И родные собрались, и гости. Хорошо было. А потомъ опять работа и одиночество. Надо же чѣмъ нибудь жить. У меня, сударь, семья большая была, два сына и двѣ дочери, всѣхъ выкормилъ, слава Богу. Только со стариками дѣти теперь не живутъ. Всѣмъ нынче хочется побольше веселья, поменьше работы. Время такое. Одна дочь замужъ вышла, въ Парижъ поѣхала. Тамъ ее мужъ и бросилъ. Устроилась она консервжой и ничего, живетъ хорошо, состоятельно. Другая — въ Бордо въ магазинѣ работаетъ. Одинъ сынъ тамъ же на фабрикѣ, а другой убитъ подъ Верденомъ. Такъ и прошла вся моя жизнь въ работѣ, да въ заботахъ о дѣтяхъ. Старуха все тоскуетъ, да и мнѣ думается о дѣтяхъ, а вѣдь дѣло въ томъ, что мы уже отжили, а смерть когда приходитъ, то всѣ становятся одиноки.

— Тикъ... тикъ... тикъ...

Она пришла вдругъ, этажданная, одинокая смерть. Зима прошла и стоялъ жаркій, ликующий майскій день. Старый Жиро мотыжилъ виноградъ, когда у него закружилась голова. Онъ тихо дотащился до дому и прилежъ. Черезъ нѣсколько часовъ всѣ сосѣди знали ужъ, что съ нимъ сдѣлался ударъ, что пріѣзжалъ докторъ и сказалъ, что онъ безнадеженъ... Дня черезъ два его хоронили. Нѣсколько крестьянъ, одѣвшись почище по случаю церемоніи, собрались у его домика. Въ предшествіи распятія медленно подошелъ кюрэ со своимъ клиромъ. Гробъ понесли на рукахъ въ церковь, спускаясь внизъ по шоссе, по сторонамъ котораго тамъ и сямъ пылали яркія розы. Я шелъ за гробомъ среди знакомой толпы. Только одной нарядной — траурной женщины не зналъ я. Это была его дочь, пріѣхавшая изъ Бордо. Изъ всѣхъ дѣтей она одна оплакивала теперь отца и вспоминала, можетъ быть, свое простое, босоное, но счастливое дѣтство. На кладбищѣ, бросивъ горсть земли на гробъ старика въ могилу, которую сто-

рожать безмолвные кипарисы, я оглянулся кругомъ. Ликовали нарядные, залитые солнцемъ холмы Жиронды...

Другіе люди, другія руки будутъ теперь мотыжить виноградъ, обрѣзанный Жиро, также, какъ раньше него дѣлали это другіе. Жизнь разцвѣтаетъ и угасаетъ всегда, всегда, только мѣняясь. Одинъ таинственный, безграничный и

живой океанъ кажется неизмѣннымъ. Вотъ и теперь онъ вздохнулъ, какъ это дѣлаетъ онъ всегда два раза въ сутки, и Гаронна, видная съ кладбища, катитъ къ нему мутная, на этотъ разъ теплыя волны... Да будетъ тебѣ легка земля, старый пріятель и собесѣдникъ изгнанника, случайно заброшеннаго на твою родину...

ПАМЯТИ МЕРТВЫХЪ

Вотъ уже болѣе четырехъ лѣтъ какъ кончилась война, а здѣсь все еще продолжаютъ хоронить ея жертвы. Въ залитой солнцемъ Шампани, на берегахъ Марны и подъ Верденомъ откапываютъ люди и находятъ по какимъ-то признакамъ своихъ близкихъ. По городамъ, мѣстечкамъ и селамъ всей Франціи отправляютъ ихъ къ мѣсту вѣчнаго успокоенія. Пусть покоятся они на мѣстахъ своей родины. И по всѣмъ городамъ и селамъ Жиронды, то тамъ, то здѣсь все еще прибываютъ ея дѣти, „за отечество животъ свой положившіе“.

О времени прибытія возвѣщаютъ заранѣе. И съ утра на ближайшей станціи собирается процессія. Мэръ и его совѣтъ, нотабли мѣстечка и кюрэ въ облаченіи. Кто-нибудь изъ военныхъ несетъ трехцвѣтный флагъ, спортивная молодежь въ гимнастическихъ костюмахъ тутъ же со своими значками. Процессія направляется къ церкви. Послѣ заупокойной мессы толпа, оторвавшаяся отъ работъ, провожаетъ останки до кладбища. Короткая, патриотическая рѣчь, глухой шумъ падающей въ могилу земли, и толпа расходится, — медленная и торжественная. И вездѣ, въ самомъ маленькомъ селеніи, идутъ сборы на памятникъ погибшимъ на войнѣ. Во многихъ такіе памятники уже поставлены и будутъ поставлены всюду. Есть и богатые и бѣдные, оригинальные и безвкусные, въ зависимости отъ затраченныхъ денегъ и отъ таланта художниковъ.

Рядомъ со мной, въ селѣ Борэшъ, около

храма, на простомъ пьедесталѣ поставлена бѣлоснѣжная мраморная доска. Вверху ея, въ рамкѣ, блестятъ золотомъ высѣченныя имена борэшцевъ, павшихъ за родину. А ниже — простая надпись: „они будутъ жить вѣчно въ нашихъ сердцахъ“. О, разумѣется, это гипербола! Правъ былъ Маркъ Аврелій, говорившій, что память о людяхъ едва ли жива въ двухъ поколѣніяхъ. Правъ и Н. С. Лѣсковъ, этотъ недостаточно оцѣненный современниками писатель и человекъ, говорившій мнѣ незадолго передъ смертью: пусть поставятъ надъ моей могилой деревянный крестъ, и когда онъ свалится, — исчезнетъ обо мнѣ на землѣ память...

Вечеромъ, когда заходящее надъ Гаронной солнце освѣщаетъ этотъ мраморъ и искрится на золотыхъ литерахъ, я сижу и думаю. Я думаю о поляхъ Польши и вершинахъ Карпатъ, гдѣ покоятся кости моихъ соотечественниковъ. О, сколько ихъ! А потомъ, когда моя родина въ безуміи злобы обратилась въ братскую бойню, когда голодъ и эпидемія косили народъ, люди гибли миллионами. Могло ли бы для всѣхъ этихъ близкихъ мнѣ жертвъ хватить памятниковъ? И мнѣ думается, что тамъ одного патриотизма для памяти жертвъ было бы мало. Нужна была бы беззавѣтная, всепрощающая любовь. Она одна бы могла поставить памятникъ — крестъ, благословляющій всѣ безвѣстныя могилы, — близкія и далекія...

Вл. Лодыженскій

Е. КОЛОСОВЪ

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ

Лежала мертвая рѣка
На черномъ золотѣ столицы.
Одѣли тихіе снѣга
Широкихъ улицъ вереницы.

Надъ сонной крѣпостью звѣзда
Глядѣлась въ бѣлыя пустыни.
И за годами шли года
И сумерки ложились — сини.

Тянулись цѣпи фонарей,
Гоня полярныя видѣнья
Стояли храмы въ серебрѣ,
Въ спокойной, нѣжной, вѣчной лѣни.

Скрипѣли трепетно шаги.
Надъ ними сказки обитали.
Снѣжинки — хрупки и легки —
Фасады прятали въ вуали.

Такъ, вѣщимъ свѣтомъ осіянь,
Покоился въ вѣкахъ несмѣлыхъ
Гранитный съвера титанъ —
Въ огняхъ и горностаяхъ бѣлыхъ.

Е. Колосовъ

ИЗЪ ОБЛАСТИ ИСКУССТВЪ

І. Вондоушъ

„Прага. Видъ на Градчаны“

ВЫСТАВКА ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ГРАФИКИ

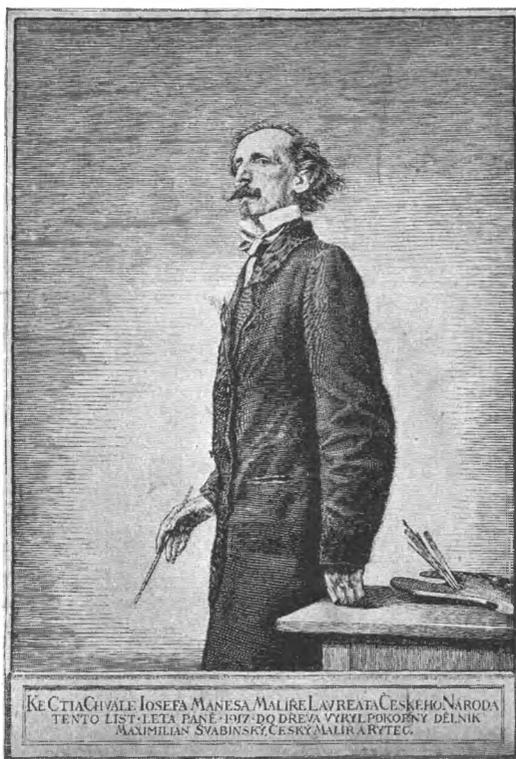
Выставка богата экспонатами и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи. Выставка говоритъ намъ объ интенсивности художественной жизни Чехо - Словакии, о быстромъ ростѣ этой жизни и ея великихъ возможностяхъ. Часы, которые проводишь на выставкѣ, не являются потерянными, какъ это бываетъ на современныхъ художественныхъ выставкахъ, гдѣ часто приходишь въ отчаяніе отъ того, что видишь и что преподносится тебѣ подъ знакомъ искусства.

Послѣднія десятилѣтія необычайно высоко подняли графическое искусство. Графика оставила свою служебную роль копирования и иллюстраціи. Художникъ-графикъ захотѣлъ самостоятельнаго творчества, обусловленнаго только его духомъ и талантомъ. Онъ вспомнилъ величайшихъ „своихъ предшественниковъ, гениальныхъ Дюрера и Пиранези, и пошелъ по ихъ пути. Въ результатѣ—необычайный разцвѣтъ гравюры, какъ картины, неуступающей по силѣ производимаго ею впечатлѣнія картинамъ, писаннымъ красками.

Выставка чехословацкой графики — блестящій тому примѣръ. Объ этой выставкѣ можно написать цѣлую монографію. И въ самомъ дѣлѣ, въ лицѣ чехословацкихъ художниковъ-графиковъ вы видите и талантливейшихъ

учениковъ Западно-Европейскаго искусства, въ совершенствѣ усвоившихъ его „науку“, и людей, давно уже оставившихъ школьную скамью, ставшихъ на путь самостоятельнаго творчества, прокладывающихъ новые пути и, притомъ, въ чисто національной окраскѣ, выраженіи славянскаго духа, который такъ ярко говоритъ о себѣ въ экспонатахъ выставки. Неудержимымъ устремленіемъ, какимъ-то напоромъ, волевымъ импульсомъ, широтой взятыхъ темъ, своеобразіемъ трактовки ихъ запечатлѣно большинство произведеній, находящихся на выставкѣ. Чувствуется молодость и свѣжесть.

На первомъ мѣстѣ надо поставить М. Швабинскаго, увлекающаго насъ своей фантазіей, сильнымъ темпераментомъ, глубокой мыслью и формой, полной свободнаго письма. Въ его „Райской сонатѣ“ (гравировка по дереву), репродукцію одной изъ четырехъ частей которыхъ мы даемъ, слышится громкая пѣсня, поющая славу страсти тѣла первыхъ людей. Только у одного Тинторетто мы находимъ нѣчто подобное. Прихотливо и широко вьется здѣсь свободная линія, поражающая въ то же время своимъ упорствомъ. Прекрасна и композиціонная часть самаго произведенія. Сухъ и благородно нарисованъ портретъ І. Манеса, отца чешскаго ис-

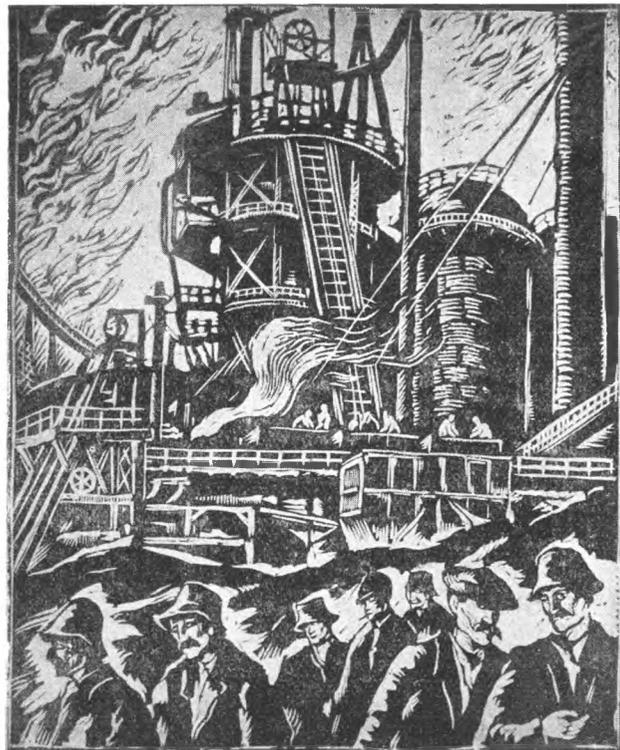
М. Швабинскій

Худ. Юсифъ Манесь

композиціонная часть самаго произведенія. Сухъ и благородно нарисованъ портретъ І. Манеса, отца чешскаго ис-

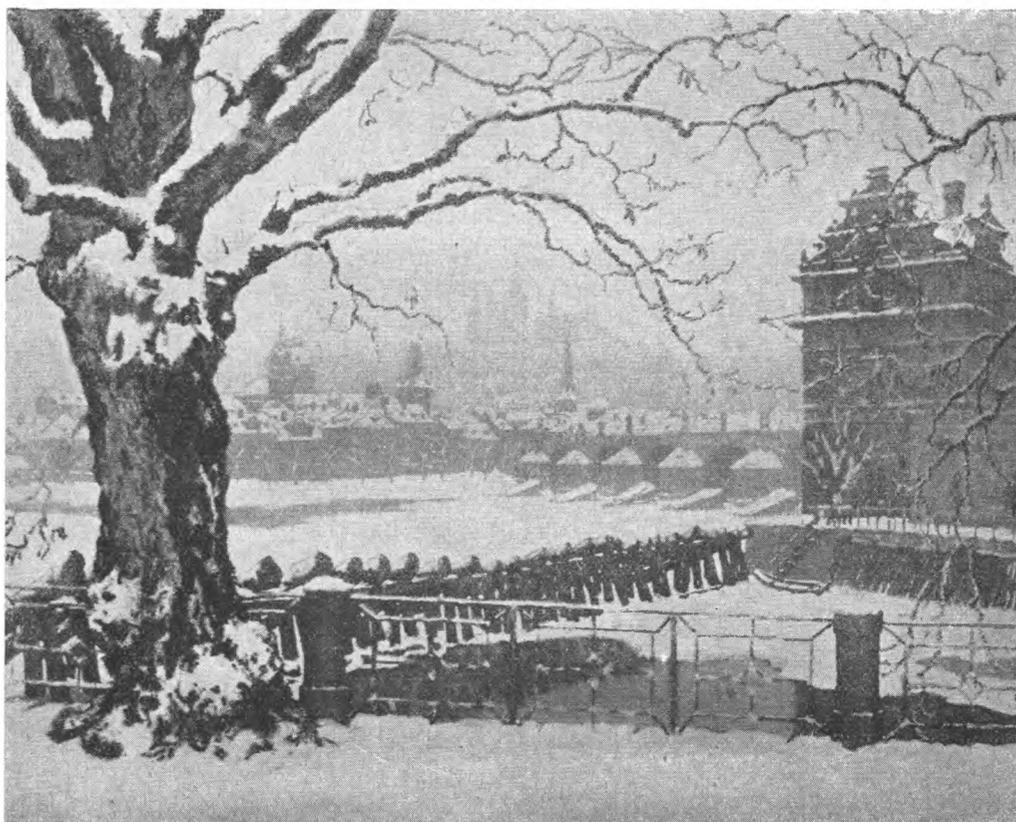

М. Швабинский Изъ цикла „Райская соната“

Ф. Душа

„Наблюдаютъ“

Я. Стретти-Зампони

„Видъ на Прагу съ наб. Масарика“

кусства. Громадная работа соединилась у Швабинскаго съ талантомъ!

Конечно, городъ съ „врожденными“ данными изъ blanc et noir, съ его господствомъ линий и рисунка надъ краской не могъ не привлечь къ себѣ вниманія графиковъ Чехо- словакии. Билексъ, Лауда, Моривецъ, Вондоушь (репрод. „Прага. Видъ на Градчань“, офортъ), Шимонъ („Карловъ мостъ“), Зампони („Видъ на Прагу съ наб. Масарика — акватина) — всѣ они отдали дань увлеченія городомъ. Ихъ вещи прекрасны по четкому, лаконическому рисунку. Этотъ рисунокъ достигаетъ особенной силы и убѣдительности въ вещахъ Силовскаго, въ частности Души, отозвавшихся на призывъ современной машины, на тотъ складъ жизни и дѣятельности, кто связанъ съ обслуживаніемъ этой машины, рабомъ которой сталъ человѣкъ. Интересна въ этомъ отношеніи гравюра Души „Наблюдаютъ“. Какъ рѣзко здѣсь вычерчены лица забастовавшихъ рабочихъ, наблюдающихъ и

высматривающихъ „штрейкбрехеровъ“ . А надъ ними насмѣшливо высится громада машины, подлиннаго ихъ хозяина, въ концѣ концовъ, не приемлющаго никакой забастовки и потому главнаго . . . „штрейкбрехера“ . . .

Чудесна по своей „живописности“ письма „Сумерки“ (акватинта) Алекса. Какъ много поэзіи, легкости въ этой небольшой картинкѣ!

Часть выставки удѣлена книгѣ. Высоко поставлено переплетное мастерство въ Чехии. Какая бездна здѣсь вкуса и тонкаго пониманія гармоніи самаго переплета съ содержаніемъ книги! На какомъ вѣрномъ пути стоитъ и графика книжная! Работы Билекъ („Бонаventura“), Бенды („Дюрихъ“), Досталова („В. Дикъ“), Кисела („Вацлавъ IV“) и др. могутъ составить украшеніе библиот. самаго завзятаго библиофила.

Нечему удивляться успѣху выставки. Мас- са вещей продана. Цѣны, кстати сказать, совершенно не отвѣчаютъ цѣнности самихъ картинъ . . . такъ они малы. За 100 — 200 франковъ вы можете приобрести прекрасную гравюру.

Н. И. М.

Т. Шимонъ

„Карловъ мостъ“

А. Алексъ

„Сумерки“

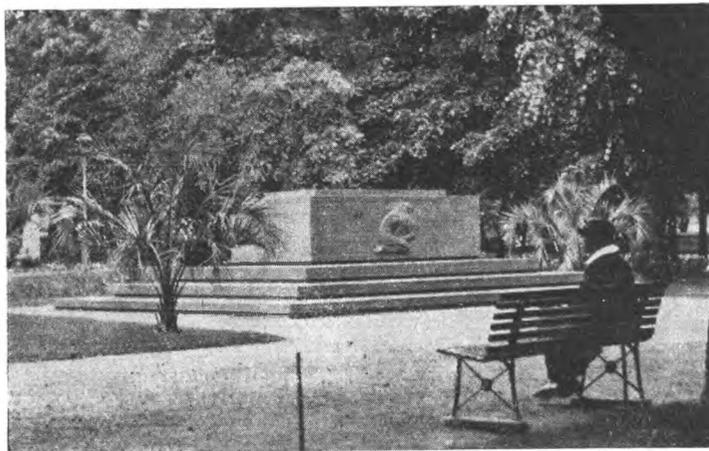
И. И. ЛЕВИТАНЪ

„БОЛЬШАЯ ДОРОГА“

ПО БЪЛУ СВѢТУ

Г. Кошекъ—Консулъ Чехословакіи въ Латвіи.
Къ открытію въ Ригѣ графической выставки
чехословацкихъ художниковъ

Гельсингфорсъ. Памятникъ нѣмецкимъ войскамъ павшимъ въ
борьбѣ съ большевиками въ Финляндіи

Сирія. Взрывъ транспорта

КЪ СОБЫТІЯМЪ ВЪ СИРІИ

Возстаніе друзовъ въ Сиріи все еще не подавлено и надежды на скорое возстановленіе порядка въ этой древней странѣ, не поддающейся воздѣйствию европейской цивилизаціи и не желающей переносить господства „не-вѣрныхъ“...

Борьба идетъ уже подѣ религиознымъ знаменемъ.

Объявлена „священная война“...

Фанатизмъ мусульманскаго населенія находитъ себѣ поддержку въ пораженческихъ настроеніяхъ французскихъ коммунистовъ.

Можетъ повториться исторія съ Марокко и миръ снова будетъ свидѣтелемъ усиленной и длительной борьбы полуварварскихъ племенъ съ великой державой, побѣдительницей въ міровой войнѣ!..

Помѣщаемъ снимокъ, рисующій одинъ изъ эпизодовъ этой борьбы въ Сиріи — взрывъ французскаго военнаго транспорта, (казалось-бы находившагося внѣ предѣловъ досягаемости для повстанцевъ-друзовъ).

Болгарія. Группа македонцевъ

ДѢТИ ЭМИГРАЦИИ. — Сборникъ статей под редакціей проф. В. В. Звнъковскаго. (Прага. 1925 г. Изд. Педагогическ. Бюро).

Ближайшее участіе въ будущемъ строительствѣ Россіи примутъ не „отцы“ эмиграціи, а дѣти ихъ. Такъ выходитъ, если спокойно и здраво взвѣсить положеніе дѣлъ. Вотъ почему насъ должно интересоватъ все то, что имѣетъ отношеніе къ этимъ дѣтямъ. Сколько ихъ? Учатся? Гдѣ? Какъ? Но, можетъ быть, самое интересное, каковы эти дѣти? Что чувствуютъ? Чѣмъ живутъ? Каковы ихъ идеалы? И... что мы дѣлаемъ для нихъ? Заботимся-ли по настоящему? Не забыты-ли они нами въ нашихъ партійныхъ распряхъ?

Согласитесь, что, право, всѣ эти вопросы имѣютъ для насъ гораздо большее значеніе, чѣмъ: „какую форму правленія установимъ мы, вернувшись въ Россію“?..

Отъ всей души, поэтому, привѣтствую книгу: „Дѣти эмиграціи“.

Прежде всего, согласно одной изъ статей названнаго сборника (В. Рудневъ. „Нѣсколько цифръ“), общее число дѣтей бѣженцевъ, обучающихся въ зарубежной русской школѣ, ограничивается 12000. Приблизительно 8000 остаются за порогомъ этой школы. Они находятся въ иностранныхъ школахъ. Не потеряны-ли они для Россіи? Цѣлый рядъ печальныхъ данныхъ говорить за утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Изъ 12000, что ходятъ въ русскую школу, 3000 посѣщаютъ школу національныхъ меньшинствъ въ лимитрофныхъ государствахъ. Конечно, здѣсь „русскаго духа“ далеко-далеко не на 100%, и это понятно: иначе нельзя да и не должно быть. На то и меньшинство, хотя бы даже національное. Изъ 9000 учащихся въ бѣженской школѣ только 4380 содержится полностью въ интернатахъ, остальные же живутъ дома, что, по общему мнѣнію, авторовъ сборника весьма плохо отражается на дѣтяхъ, ежедневно сталкивающихся съ отрицательными (а ихъ какъ много!) сторонами жизни бѣженской семьи.

Итакъ, сухія цифры вскрываютъ предъ нами очень и очень печальную картину обученія и воспитанія дѣтей эмигрантовъ. Подумайте, вѣдь, изъ 20000 этихъ дѣтей только четыре тысячи съ небольшимъ живутъ въ условіяхъ сравнительно благоприятныхъ для русскаго ребенка. „Материальная, а часто и моральная условія жизни ребенка въ своихъ семьяхъ хуже условій жизни ихъ въ школьныхъ общежитіяхъ... Нужно твердо сказать: только закрытое учебное заведеніе можетъ сейчасъ въ полной мѣрѣ взять на себя заботу о дѣтяхъ... Школа — семья, школа — родной домъ — вотъ что властно требуетъ отъ насъ жизнь. Поэтому, „институтъ“, „кадетскій корпусъ“ оказались жизнненны, нужны, чѣмъ „передовая школа“... (А. Бемъ. „Наблюденія“).

Къ сожалѣнію, и въ интернатѣ далеко не все благополучно... У насъ много хорошихъ педагоговъ-учителей, но очень мало педагоговъ-воспитателей. Мы все еще говоримъ больше о программахъ и методахъ, чѣмъ о задачахъ воспитанія“ (ibidem).

Это плохо. Это очень плохо, если жизнь ничему не научила, если педагоги и сейчасъ, какъ въ старое время, на своихъ безчисленныхъ засѣданіяхъ обсуждаютъ разныя программы, видя въ нихъ панацею отъ всѣхъ золъ. Не программы-ли и методы вытравили душу у русской молодежи дореволюціоннаго періода?.. Въ банкротствѣ русской интеллигенціи, развѣ не виновата средняя школа?.. Очень было больно читать въ педагогическомъ сборникѣ такой отзывъ о педагогахъ въ эмигрантскихъ школахъ. Но, значитъ, это такъ, если даже здѣсь написано...

Однимъ словомъ, неблагополучно съ обученіемъ и воспитаніемъ дѣтей эмигрантовъ.

Большая часть сборника „Дѣти эмиграціи“ представляютъ сводку и выборъ изъ 2400 сочиненій учащихся въ русскія эмигрантскія школахъ на тему: „Мои воспоминанія“.

„303 сочиненія упоминаютъ о понесенныхъ дѣтми бо-

лѣзняхъ, не считая 31 упоминанія о раненіяхъ, 330 о смерти отца, 137 — матери, 5—4 — обоихъ родителей. Изъ нихъ 97 упоминаютъ объ убійствѣ отца на войнѣ, 47 о разстрѣлѣ отца, 18 — матери, 6 — обоихъ родителей“... Много есть одинокихъ дѣтей, родители которыхъ въ Россіи и неизвѣстно, что съ ними.

Приведу нѣсколько отрывковъ „воспоминаній“ (автограмъ въ моментъ переживаемыхъ событій было 9—11 лѣтъ).

„Въ домъ ворвалась... шайка „зеленыхъ“ и убила маму и папу. Я нѣсколько дней ходила, какъ помѣшанная. Я осталась... съ маленькой пятилѣтней сестрой на рукахъ и никого, никого изъ близкихъ и родныхъ не было у насъ... Послѣ сыпного тифа старалась найти хоть какое-нибудь дѣло“.

„Нашъ корпусъ взяли. Кадетъ привели въ крѣпость. Матросъ ударилъ меня кулакомъ. Я лишился чувствъ. Очнулся. На томъ мѣстѣ, гдѣ стояли юнкера, теперь лежали убитые, и рабочій стаскивалъ сапоги. По канавамъ плавали посинѣвшіе и распухшіе маленькіе трупы кадетъ...“

„Толпа въ нѣсколько человекъ направилась къ сараю, въ которомъ спрятался отецъ... Я упалъ на землю и, закрывъ уши, лежалъ внизъ лицомъ, чтобы не видѣть, не слышать того, что они будутъ дѣлать съ отцомъ“...

„Я видѣлъ—привели трехъ офицеровъ; одного убили наповалъ, другому матросъ выстрѣлилъ въ лицо, и этотъ остался безъ глаза и умолялъ добить, но матросъ только смѣялся и билъ прикладомъ въ животъ, и изрѣдка коя въ животъ. Третьему распоролъ животъ и мучили, пока онъ не умеръ“.

„Я съ папой была на похоронахъ... Архіерей служилъ панихиду и плакалъ. Воздухъ былъ наполненъ запахомъ разлагающихся труповъ; во дворѣ юнкерскаго училища, гдѣ шла панихида, были кучи навоза — изъ одной торчала чело-вѣческая рука“.

„Большевики выкопали яму и закопали моего папу“.

„Въ одну ночь большевики поймали моего отца, связали ему руки и ноги, поставили къ стѣнѣ и били, и закопали въ одномъ бѣльѣ“.

„Насъ нѣсколько разъ водили на разстрѣлъ. Ставили къ стѣнкѣ и наставляли револьверъ“.

„Я поклялся — мальчишка — отомстить имъ“...

„Я готова была сама убить тѣхъ, кто убилъ моихъ братьевъ“.

„Съ трепетомъ прижималъ винтовку къ плечу и радовался, когда видѣлъ, „что борецъ за свободу“ со стеномъ, который мнѣ казался пріятной музыкой, испускалъ духъ“...

„Ко всему можно привыкнуть. Привыкла я и къ замерзшимъ трупамъ“.

„Партизанскіе отряды, участникомъ которыхъ я былъ, изломали мою душу“.

„Я сталъ нравственнымъ калѣжкой; малограмотный, озлобленный... Вѣра рухнула, нравственность пала, всѣ люди ложь, хочется бѣжать, но, куда, я побѣгу?... О, будь все проклято!“...

„Безконечно рада, что послѣ страшныхъ невзгодъ мнѣ представилась возможность продолжать образованіе“.

„Мы любимъ Россію и снова желаемъ ее видѣть могучей и сильной, славной страной“...

„Тяжкія страданія, выпавшія на нашу долю, еще болѣе закалили нашъ характеръ, укрѣпили вѣру въ Божественнаго Учителя, вѣру въ отечество. Нужно жить, бороться и работать“.

Тяжко было дѣлать эти выписки. А, каково было вспоминать?..

Бѣдныя дѣти! Ну, мы виноваты! А въ чѣмъ ваша вина?... Судьба?..

Положеніе дѣлъ совершенно ясное: помогутъ русской эмигрантской школѣ, значитъ, переболѣютъ и поднимутся наши дѣти. Не помогутъ, бросятъ, оставляя на произволъ судьбы, дѣти эти погибнутъ, потому что 90% изъ нихъ такъ измучены пережитымъ, такъ утомлены, что безъ чужой поддержки не встанутъ.

Немо

Н. А. НЕКРАСОВЪ

ДЯДЮШКА ЯКОВЪ

Домъ — не телѣжка у дядюшки Якова.
 Господи Боже! чего-то въ ней нѣтъ!
 Съденькій самъ, а лошадка каракова,
 Вмѣстѣ обоимъ — сто лѣтъ.

Ѣздитъ старикъ, продаетъ понемногу...
 Рады ему, да и онъ — то того.
 Богъ, видно, далъ ему добрую душу...
 Ѣздитъ — кричитъ то и знай;

А. Кошелевъ

„Офеня въ деревнѣ“

„По грушу! по грушу!
 Купи, смѣняй!..
 У дядюшки Якова
 Сбоина макова
 Больно лакома!
 На грошъ два кома!
 Дѣвкамъ утѣхи —
 Рожки, орѣхи!
 Эй, малолѣтки!
 Пряники рѣдки —
 Всякія штуки:
 Окуни, щуки,
 Киты, лошадки!
 Посмотришь — любви,
 Раскусишь — сладки,
 Оближешь губы!..
 — Стой, старина! — Старика обступили
 Парней и дѣвокъ и дѣтушекъ тѣма;
 Всѣ намѣняли сластей, накупили;
 То-то была суета, кутерьма!
 Смѣхъ на какого-то Кузю печального:
 Держитъ коня передъ носомъ сусального,
 Конь — заглядѣнье, и лакомъ кусокъ...
 Гдѣ тебѣ вытерпѣть? Ёшь, паренекъ!
 „У дядюшки Якова
 Хватить про всякаго:
 Гляди-тко: книжки!
 Новы коврижки!

Мальчикъ — сударикъ,
 Купи букварикъ!
 Отцы почтенны,
 Книжки не цѣнны:
 По гривнѣ штука...
 Дѣткамъ наука.
 По буквари!
 По буквари!
 Хватай — бери,
 Читай, смотри!..
 И букварей — таки много купили:
 „Будетъ вамъ пряниковъ, нате-ка вамъ!“
 Пряники, правда, послаще бы были,
 Да разсудилось ужъ такъ старикамъ!
 Книжки съ картинками, писаны четко...
 То-то дойти бы, что писано тутъ!
 Молча крѣпилась Оеклуша — сиротка,
 Глядя, какъ пряники дѣти жуютъ
 А какъ увидѣла въ книжкахъ картинки,
 Такъ на глаза навернулись слезинки.
 Сжалился, даль ей букварь старина:
 „Коли бѣдна ты, такъ будь ты умна!“
 Экой старикъ! Видно добрую душу!
 Будь же ты счастливъ! Торгуй, наживай!
 „По грушу, по грушу!
 Купи смѣняй!..
 Н. А. Некрасовъ

СКАЗКА О НАБИТОМЪ ДУРАКѢ

Въ одной семьѣ жилъ-былъ дуракъ набитый. И бывало нѣтъ того дня, чтобы на него не жаловались люди: либо кого словомъ обидитъ, либо кого прибьетъ. Мать сжалилась надъ дуракомъ, стала смотрѣть за нимъ, какъ за малымъ ребенкомъ; бывало-куда дуракъ срядится итти, мать съ полчаса ему толкуетъ: ты такъ-то, дитяtko, дѣлай и такъ-то! Вотъ однажды пошелъ дуракъ мимо гумень, увидалъ — молотятъ горохъ, и закричалъ: «молотить вамъ три дня и намолотить три зерна.» Мужики его за такія слова прибили цѣпами. Пришелъ дуракъ къ матери и вопить: «матушка, матушка, нынѣ били хохла, колотили хохла.» — Тебя, что-ль, дитяtko? — «Да». — За что? — «Вотъ я шель мимо Дормидошкина гумна, а на гумнѣ молотили горохъ его семейные...» — Ты что же, дитяtko? — «Да я имъ прогугорилъ: молотить вамъ три дня и намолотить три зерна: они за то меня и прибили.» — Охъ, дитяtko, ты бы сказалъ имъ: возить вамъ — не перевозить, носить — не переносить, таскать — не перетаскать!

Обрадовался дуракъ, пошелъ на другой день по селу. Вотъ навстрѣчу ему несутъ упокойника. Дуракъ, помня вчерашнее наставленіе, зашумѣлъ въ превеликій голосъ: «носить вамъ — не переносить, таскать — не перетаскать!» Опять отдули его. Дуракъ воротился къ матери и рассказалъ ей, за что его прибили. «Ты бы, дитяtko, сказалъ имъ, канунъ да ладанъ!»

Такія слова глубоко пали дураку въ умъ-разумъ. На другой день опять пошелъ онъ бродить по селу. Вотъ свадьба ѣдетъ ему навстрѣчу. Дуракъ откашлялся и закричалъ, какъ только свадьба съ нимъ поравнялась: «канунъ да ладанъ!» Пьяные мужики соскочили съ телѣги и прибили его жестоко. Дуракъ пошелъ домой, кричитъ: охъ, мать моя родимая, какъ больно-то прибили меня! — За что, дитяtko? — Дуракъ рассказалъ ей, за что его прибили, Мать сказала: «ты бы, дитяtko, поигралъ да поплясалъ имъ.» — Спасибо, матушка моя! И ушелъ опять на село, да взялъ съ собою дудочку.

Вотъ на концѣ села занялся овинъ у

М. Щегловъ

„Сказка въ сѣверномъ краѣ“

мужика. Дуракъ со всѣхъ ногъ побѣжалъ туда; забѣжалъ противъ овина, — и ну плясать да играть въ свою дудочку. И тутъ дурака отколотили. Онъ опять пришелъ къ матери со слезами и рассказалъ, за что его прибили. Мать ему сказала: «ты бы, дитяtko, взялъ воды и заливалъ съ нимъ.»

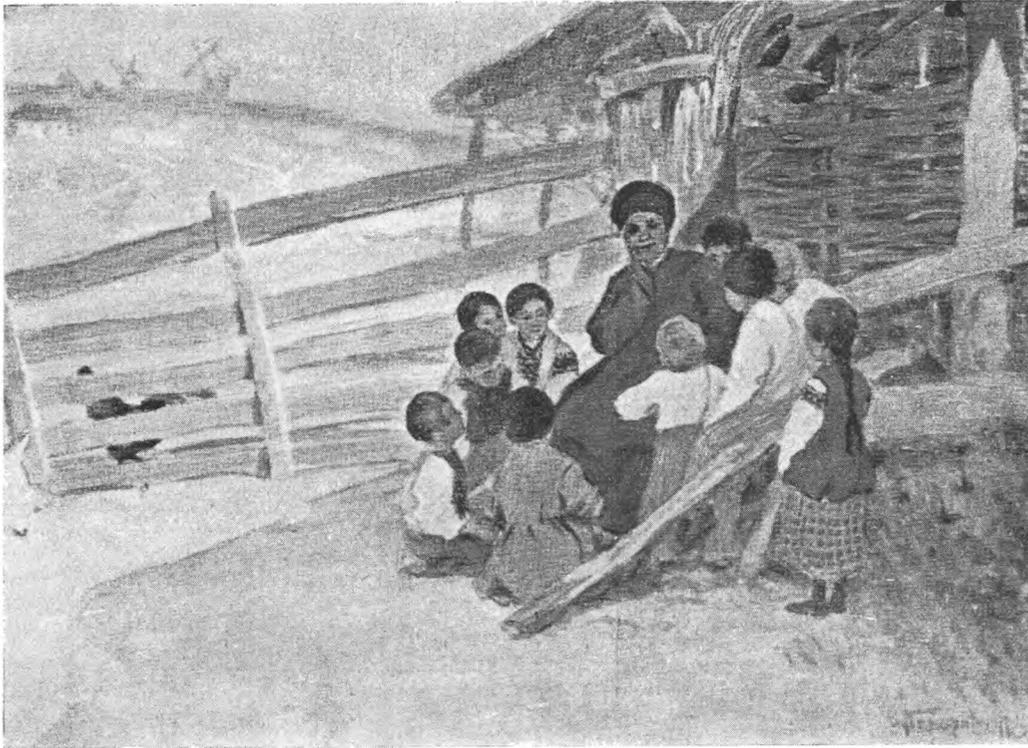
Черезъ три дня, какъ зажили у дурака бока, пошелъ онъ бродить по селу. Вотъ

увидалъ онъ; мужикъ свинью палить. Дуракъ схватилъ у мимошедшей бабы съ коромысла ведро съ водою, побѣжалъ туда и началъ заливать огонь. И тутъ дурачка порядочно отколотили. Опять онъ воротился къ матери и рассказалъ, за что его били. Мать заклалась пускать его по слободѣ и съ тѣхъ поръ дуракъ и понынѣ, кромѣ двора своего, никуда не выходитъ.

НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ

У одного мужика много было гороху насаѣно. Повадились журавли летать, горохъ клевать. „Постой, — вздумалъ мужикъ, — я вамъ переломаю ноги!“ Купилъ ведро вина, вылилъ въ корыто, намѣшалъ туда меду; корыто поставилъ на телѣгу и поѣхалъ въ поле. Приѣхалъ къ своей полосѣ, выставилъ корыто съ виномъ да съ медомъ наземь, а самъ отошелъ подалее и легъ отдохнуть. Вотъ прилетѣли журавли, поклевали гороху, увидели вино и такъ натюкались, что тутъ же попадали. Мужикъ — не промахъ! сейчасъ прибѣжалъ и давай имъ веревками ноги вязать. Опуталъ веревками, прицѣпилъ за телѣгу и поѣхалъ домой. Дорогой-то порастрясло журавлей, протрезвились они, почувствовались, стали крыльями хлопать, поднялись, полетѣли и понесли съ собою и мужика, и телѣгу, и лошадь — высоко!

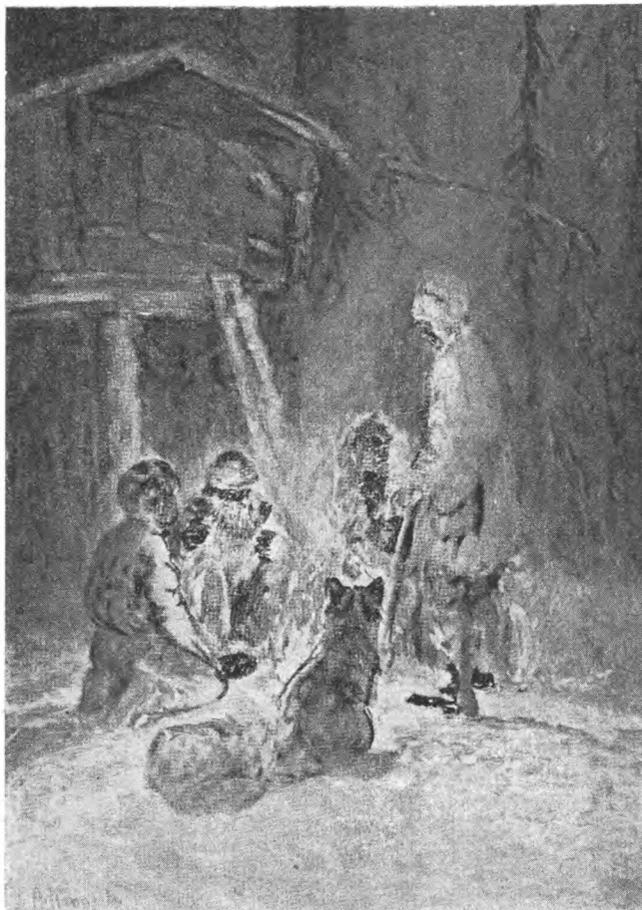
Мужикъ взялъ ножъ, обрѣзалъ веревки и упалъ прямо въ болото. Цѣлыя сутки въ тинѣ сидѣлъ, едва оттуда выбрался. Воротился домой — Богъ сына послалъ, надо за попомъ ѣхать, ребенка крестить. „Нѣтъ, говорить, не поѣду за попомъ!“ — „отчего такъ?“ — „Журавлей боюсь! опять понесутъ по поднебесью; пожалуй, съ телѣги сорвусь, до смерти ушибусь!“ — „Не бойсь! мы тебя къ телѣгѣ канатомъ прикрутимъ“. Вотъ хорошо, положили его въ телѣгу, обвязали канатомъ; лошадь поворотили на дорогу, стегнули разъ, другой — она и поплелась рысцою. За деревней-то былъ колодець, а лошадь-то была не поена; вздумалось ей напиться; свернула съ дороги въ сторону и прямо къ колодцу; а колодець былъ безъ сруба, а упряжь-то безъ шлеи, а узда безъ повода, а хомуть большой, просторной; лошадь

А. Комаровъ

„Сказки въ Малороссіи“

наклонилась къ водѣ, а хомуть черезъ голову и съѣхалъ долой. Вотъ лошадь напилась и пошла назадъ, а мужикъ съ тельгою остался у колодца: На ту пору выгнали охотники изъ лѣсу медвѣдя; медвѣдь бросился со всѣхъ ногъ, набѣжалъ на тельгу, хотѣлъ перескочить, прыгнулъ — да прямо въ хомуть и попалъ! Видить, что бѣда на носу, и пошелъ валять, что есть силы, съ тельгою. „Батюшки, помогите! кричитъ мужикъ. Отъ того крику медвѣдь еще пуще напугался; пошелъ таскать по кочкамъ, по яругамъ, по болотамъ. Прибѣжалъ на пчельникъ, полѣзъ на дерево и тельгу

Сказка на промыслахъ въ Сибири

за собой потащилъ, — захотѣлось, видно, медку попробовать. Взлѣзъ на самую верхушку, а тельга внизъ тянетъ: бѣдный медвѣдь и самъ не радъ, ни взадъ — ни впередъ! Немного спустя времени, пришелъ хозяинъ, увидаль медвѣдя: „Ага, говоритъ, попался! вишь ты какой бездѣльникъ, Мишка: не просто за медомъ пришелъ, на тельгѣ пріѣхалъ!“ Схватилъ топоръ и ну рубить дерево подъ самой корень. Дерево повалилось на землю, разбило тельгу и задавило совсѣмъ мужика; а медвѣдь выскочилъ изъ хомута да бѣжать: только унеси Богъ

ноги! Вотъ каковы журавли!

М. Щегловъ

„Сказка въ центральной Россіи“

ХОРОШО ДА ХУДО

„Гдѣ ты, братъ, былъ?“ — Въ Боровичахъ братъ, ладно!“ — „Да не то-то, братъ, ладно!“ на торгу!“ — „Что по чему?“ — „Рожь да овесъ по мѣшкамъ, а деньги по мошнамъ!“ — „Ладно, братъ!“ — „Ладно, да не совсѣмъ!“ — „А что жъ, таково?“ — „Бхаль я рѣкою, да рожь подмочилъ“. — „Худо, братъ, худо!“ — „Да не то-то братъ, худо!“ — „А что жъ таково?“ — Я солоду нарастилъ, да пива наварилъ“. — „Ладно, братъ, ладно!“ — „Да не то-то, братъ, ладно!“ — „А что жъ таково?“ — „Пришли свиньи, да все пиво выпили“. — „Худо, братъ, худо!“ — „Да не то-то, братъ, худо!“ — „А что жъ таково?“ — „Я свиней-то убилъ, да чанъ мяса насолилъ“. — „Ладно,

Рис. Е. Бемъ

— „А что жъ таково?“ — „Пришли кошки, все мясо поѣли“. — „Худо, братъ, худо!“ — „Да не то-то братъ, худо!“ — „А что жъ таково?“ — „Я кошекъ убилъ, женѣ шубку сшилъ“. — „Ладно, братъ, ладно!“ — „Да не то-то братъ, ладно!“ — „А что жъ таково?“ — „Пришли воры, да шубку украли“. — „Худо, братъ, худо!“ — „Да не то-то, братъ, худо!“ — „А что жъ таково?“ — „Я воровъ изловилъ, въ тюрьму засадилъ“. — „Ладно, братъ, ладно!“ — „Да не то-то братъ, ладно!“ — „А что жъ таково?“ — „Воры изъ тюрьмы ушли, да деревню сожгли!“ —

БАЙКА О ЩУКѢ ЗУБАСТОЙ

Какъ-то въ лѣтнюю ночь въ Шекснѣ родилась
рыба щука,
Да такая зубастая, вишь, что Боже помилуй.
Собралися всѣ рыбы: и лещикъ, и ершикъ, и
окунь
Поглазѣть на нее, подивиться великому чуду,
И вода той порою въ Шекснѣ поднялась, вско-
лыхалась;
Шель паромъ черезъ рѣку-да еле ко дну не
пошелъ вѣдь,
Красны дѣвушки мимо гуляли-всѣ врозь раз-
бѣжались.
Уродилась же экая щука щука зубастая, право!
А и стала расти: не по днямъ — по часамъ
разросталась.
Каждый божій день на вершокъ, да выросла —
страсти!
А и стала похаживать щука въ Шекснѣ, стала
гнаться
За лещами зубастая, за окунями, ершами:
Издали углядитъ, подлетитъ да какъ схватитъ
зубами, —
Ажно косточки только хрустятъ на зубахъ у
зубастой.
Вотъ оказія, братцы, въ Шекснѣ-то у насъ
приключилась!
Что тутъ дѣлать всей мелкой рыбицѣ? Тошно
приходитъ:
Эта щука зубастая всѣхъ прѣстъ, прикорнаетъ.
Въ камышахъ потаенныхъ, осеннею темною
ночью,
Собралася вся мелкая рыбица думушку думать,
Какъ-бы имъ извести эту злую разбойницу-
щуку.
А и былъ на совѣтъ щетинистый Ершикъ Ер-
шовичъ,
Во все горло какъ крикнетъ:
„Да что намъ раздумывать братцы!
Что намъ голову даромъ ломать, портить мозгъ
попустому?
Вотъ послушайте, что я скажу: намъ въ Шек-
снѣ-то всѣмъ тошно.

Не даетъ намъ проходу зубастая, на зубъ хва-
таетъ!
Такъ чего-же намъ ждать здѣсь еще? Свѣтъ
не клиномъ сошелся!
По-добру по-здорову уйдемъ-ка всѣ въ мелкія
рѣчки, —
Тамъ не тронетъ никто, припѣваючи жить себѣ
будемъ“.
По душѣ мелкой рыбицѣ умное слово прошлося:
Поднялась изъ Шексны, покидалася въ мелкія
рѣчки.
Правда, хитрый рыбарь по дорогѣ, какъ шли,
изъ ихъ братья,
Не одну изловилъ и сварилъ себѣ знатной
ушицы.
Но другія ушли отъ бѣды и живутъ и понынѣ,
Хоть не такъ, какъ въ Шекснѣ, на широкую
барскую ногу,
Да покойнѣй, безъ вѣчнаго страху, насиль-
ственной смерти:
Мелко плавать — и крупный обидчикъ несоро
достанетъ.
А обидчица-щука? Сама отъ судьбы не ушла
вѣдь:
Погуляла еще по Шекснѣ, поглотала остатки
Мелкой рыбицы, что не успѣли съ другими
убратъся,
Да потомъ съ голодухи какъ стала за удочкой
гнаться, —
На крючокъ и попалась! Рыбакъ какъ пой-
малъ, такъ и ахнулъ:
Отродясь не видалъ еще экой большущей,
зубастой!
Взялъ, отвезъ ее въ городъ и дорого повару
продалъ,
А къ обѣду уху изъ нея господу ужъ хлебали.
Самому мнѣ тамъ быть довелось, той ушицы
отвѣдать:
Преотмѣнная, братцы, была, прежирная; только
Все по усу текло, и ни капельки въ ротъ не
попало.
Вотъ и вся вамъ нехитрая байка о щукѣ зу-
бастой!

ИГРЫ И ЗАНЯТІЯ

КАКЪ УЗНАТЬ ЧЕЙ-ЛИБО ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ

Для этого слѣдуетъ поступить такъ: попро-
сить кого-нибудь, чтобы онъ, не говоря числа,
въ которое приходится день его рожденія, по-
множилъ это число на 2, къ произв. прибавилъ
бы число 5, сумму помножилъ на 5 и къ но-
вому произв. прибавилъ счетъ мѣсяца, въ ко-
торомъ онъ родился. Затѣмъ слѣдуетъ спро-
сить, какое получилось число и узнать, ро-
дился ли тотъ, чей день рожденія опредѣляется,
въ первые 9 или въ послѣдніе 3 мѣсяца. Въ
1-мъ случаѣ надо изъ полученнаго числа вы-
честь 25, а во 2-мъ — 34. Тогда остается

число изъ нѣсколькихъ цифръ. Послѣдняя цифра
составляетъ счетъ мѣсяца, а первыя — число,
въ которое приходится день рожденія.

Примѣръ. Положимъ, кто-нибудь родился
10-го іюня. Помножаемъ на 2, получ. 20;
 $20 + 5 = 25$; $25 \times 5 = 125$, къ этому числу
надо прибавить 6, такъ какъ іюнь 6-ой мѣсяцъ
въ году, получимъ 131, вычитаемъ отсюда
 $25 = 106$.

Цифра 6 составитъ счетъ мѣсяца, а 10 —
день рожденія. Стало быть, это лицо и роди-
лось 10-го іюня.

Содержаніе слѣдующаго № 12 (№ 4/1926) номера:

Стихи. Разказы: А. И. Куприна — „Пунцовая кровь“. К. Притисскаго — „Мотивы чудеснаго“.
Н. Роцина — „Крестьянскій сынъ“. Статья Н. И. Мишеева — В. В. Верещагинъ.
Репродукціи картинъ В. В. Верещагина, двѣ на паспарту.
Отдѣлы: „Дѣтскій уголокъ“. „Изъ области искусства“. „По бѣлу свѣту“. „Изъ области науки, открытій и изобрѣтеній“.

ОТВѢТЫ: Шарада № 3 — Ложка. Загадка № 6 — Всадникъ.
Загадка № 5 — Дочь. Загадка № 7 — Слѣпой.

Объявлена подписка на „Перезвоны“ на 1926 годъ

На 3 мѣсяца (13 номеровъ)	{ въ Латвіи — 10 лат. „ Эстоніи — 850 эст. мар. „ Литвѣ — 25 литовъ заграницей — 2 ам. дол. 50 цент.	На 1 мѣсяць (4 номера)	{ въ Латвіи — 3 лата 20 сант. „ Эстоніи — 260 эст. мар. „ Литвѣ — 7½ лита заграницей — 75 ам. центовъ.
------------------------------	---	---------------------------	---

Въ отдѣльной продажѣ съ 1926 г. — 40 руб., заграницей — 20 ам. центовъ за номеръ.

Подписка принимается въ конторѣ журнала „Перезвоны“ — Рига, Б. Кузнечная 43. Подписная плата въ Латвіи, Эстоніи, Литвѣ и во всѣхъ странахъ можетъ вноситься во всѣхъ почтовыхъ конторахъ на нашъ почтов. текущій счетъ — Post tchek conto Riga № 916.

Наилучшая англійская пшеничная мука и овсяныя хлопья

„MILLENIUM“

Главное мѣсто продажи у К. А. БУШЪ и П. БАУМАНЪ, Господская ул. 23. Тел. 26-92.

ТЕАТРЪ - ВАРЬЕТЕ

Съ 18-го января на экранѣ:

„МАРИНЭ“ „ТАРТЮФЪ“

дир. Ф. Э. Кару.

Рѣдкая кино-пьеса

съ участіемъ корифеевъ экрана Эмиля Янингса и Лиль Даговеръ.

На сценѣ: Новое обозрѣніе Revue:

„Злободневное обозрѣніе“

5 -ый годъ
изданія

СТАРЪЙШІЙ

5 -ый годъ
изданія

въ эмиграціи иллюстрированный литературно-публицистическій и інформаціонный двухмѣсячный журналъ

„ГОДЫ“

издав. ОРЭСО подѣ редакціей А. А. Валентинова-Ланге, М. С. Ильяшевича, Г. Е. Флоріанскаго, И. А. Черкесова. Обложка кисти И. Е. Рѣпина.

Всѣ отдѣлы журнала будутъ всесторонне освѣщать литературную, политическую, рабочую и академическую жизнь во всѣхъ странахъ сосредоточенія русской эмиграціи въ Россіи.

Литературные конкурсы. Анкеты. Отчеты о литературныхъ судахъ. Переписка между читателями по вопросу объ условіяхъ жизни и труда въ различныхъ странахъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Н. А. Антиповъ, Аргусъ, К. Бальмонтъ, К. П. Бельговскій, В. Ф. Благовъ, Ив. Бѣленихинъ, Н. Б. Бѣлогорскій, Н. В. Быстровъ, А. А. Валентиновъ, С. И. Варшавскій, В. И. Власевъ, С. А. Водовъ, А. А. Воеводинъ, Г. Гребенщиковъ, А. М. Ежовъ, проф. С. Западскій, прив.-доц. К. І. Зайцевъ, Я. Н. Зеленкинъ, А. С. Изюговъ, Вас. Ильинскій, М. С. Ильяшевичъ, проф. А. А. Кизеветтеръ, Петръ Кожевниковъ, С. Н. Кондаковъ, С. А. Кречетовъ, А. И. Кринъ, Бор. Лазаревскій, Вл. А. Лазаревскій, проф. И. И. Лаппо, Вяч. Лебедевъ, Ив. Лукашъ, Анат. Луневъ, Д. И. Мейснеръ, Б. Н. Неядеръ, Евг. Неждѣльскій, Галина Кузнецова, С. Рафальскій, А. Ремизовъ, Г. Рубановъ, С. Я. Савиновъ, Ив. Савинъ, И. Я. Савичъ, И. Г. Савченко, проф. П. А. Сорокинъ, Глѣбъ Струве, проф. П. В. Струве, И. Д. Сургучевъ, Игорь Сѣверянинъ, Вал. Тарханова, В. Е. Татариновъ, И. Тидеманъ, А. А. Туринцевъ, Г. Е. Флоріанскій, прив.-доц. Г. В. Флоровскій, кн. Д. А. Шаховской, С. В. Шпановъ, И. А. Черкесовъ, Е. Н. Чириковъ, кн. Н. А. Чхейдзе, Маріа Цвѣтаева, К. К. Цегоевъ, прив.-доц. М. А. Циммерманъ, А. А. Яблоновскій, Марія Харитонова, А. А. Хитковъ, А. Б. Эфронъ и др.

Цѣна: отдѣльн. ном. 5 Кр. ч. 6 ном. (за годъ) 24 Кр. ч.,
заграницей отдѣльный номеръ 15 американск. цент.

Контора и редакція: PRAHA II., Porič 24.

Генеральное представительство и складъ изданія:

„ПЛАМЯ“—„PLAMJA“

Praha II., Ječná 32.

Безусловно
И внѣ сомнѣній, въ
БИ-БА-БО
Аппетитны
Бульонъ, чай и
Особенно кофе.

БИ-БА-БО, влад. Э. ФРЕЙМАНЪ,
Бульв. Свободы 2/4, тел. 81-78, до 2 ч. ночи.

Вы напрасно не ищите
Крема лучше не найти
Лучше всёхъ остался „Vici“
Въ нашемъ жизненомъ пути.

Вышел и поступил в продажу
№ XII журнала № XII

„ВОЛЯ РОССИИ“

СОДЕРЖАНИЕ №:

Алексѣй Ремизов — Россия въ письменах
(письма Пестелей).

Д. Шаховской — Три стихотворения.

Марина Цветаева — Крысеолов.

Н. А. Рубакин — Рукописи Шрвуда и Николаева.

Документы о декабристах — Донесение
Шервуда. Донесение и дневник С. Николаева.
Казнь декабристовъ по рассказу очевидца.

Марк Слоним — Предтечи и потомки.

Б. Л. Лебедевъ — Россия и эмиграция

В. Архангельский — О религиозном фронте
эмиграции.

А. Даманская — Эмиграция французской
революции.

Е. Сталинский — На внутреннем фронте боль-
шевизма (Советская демократия).

Иностранная жизнь: **Р. Свенторжецкий** —
Политические партии Финляндии. Среди книг и
журналов. Отзывы о книгах.

Цена этого № в Чехословакии—15 кр. ч, во Франции,
Бельгии и Турции—10 фр, в остальной стран.—50 ам. цент.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

„Volja Rossii“, Uhelny trh, č. 1, Praha I, Tchécoslovaquie

Обувь

Прочная

Элегантн.

для мужчинъ - дамъ - дѣтей

Фабричные склады:

Рига: { Гертрудинская ул. 14
Сарайная ул. 3
ул. Свободы 64/66

Либава: Зерновая ул. 33
Виндава: Замковая ул. 24
Двинскъ: Рижская ул. 9

На выставкѣ въ Либавѣ 1925 г — золотая медаль

Единственный въ Ригѣ
teatrs **RADIO** Café

бульв. Свободы № 2/4

Сегодня и ежедневно
на сценѣ и въ публикѣ обширная и разнообразн.
программа

въ 2 больш. отд. Начало прогр. въ 9¹/₂ час. веч.

Оригинальная новость. Танцовщицы Радио-балета, тан-
цующа въ публикѣ модн. танцы, приглашаютъ кавалеровъ.

Radio-концерты съ 7 час. вечера.

Принимается подписка на 1926 годъ
на газету

Новое Время

Въ предѣлахъ Королевства С. Х. С. на
1 мѣс. — 45 дин., 3 мѣс. — 125 дин.
6 мѣс. — 250 дин., 12 мѣс. — 400 дин.
За границу на 1 мѣс. — 0,75 амер. долл.

Розничн. продажа въ Кор. С. Х. С. — 2 дин. за экз.

Подписка принимается съ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца.

Въ главной конторѣ газеты: Бѣлградъ, ул. Кр.
Наталии и во всёхъ контръ-агентствахъ газеты.

А. Ратфельдеръ

Съдельный мастеръ бывш. И. Пардумъ, осн. 1875 г.
Рига, Известковая ул. 23. Тел. 61-45.

**Дорожные, спортивные и
военные принадлежности.**

Постоянно большой выборъ изъ собств.
мастерской по самымъ умѣрен. цѣнамъ.

Сундуки — чемоданы изъ кожъ и
Амер. вулкан. Фибры.

Дорожн. сумки, саквояжи и мѣшки.

Портфели. Бумажники. Рюкзаки.

Англ. военные ремни.

Гетры — стеки — футболы — бутцы.

Шпоры и петлицы оптомъ и въ роз-
ницу и т. д. и т. д.

Заказы и починки исполняются точно и
аккуратно. Образцовые сундуки ис-
полняются только по мѣрѣ.

==== **Послѣдняя** ====

мода въ дамскихъ сумкахъ.

Рекламный домъ

“Колоколъ”

Бл. Кузнечная 45.

Телефонъ 27-27.

Приемъ объявленій для всѣхъ газетъ
и журналовъ. Составленіе объявленій.
Плакаты, этикетки, упаковки. Испол-
неніе всевозможныхъ художе-
ственныхъ работъ на стеклѣ,
жести и т. д. Діапозитивы. Худож.
печатн. произв.

Представители

газеты „Слово“, журнала „Пере-
звонъ“ и „Юный читатель“.

Собственный рекламный отдѣлъ.

JAVOL

ОБЩЕПРИЗНАННАЯ

ВОДА ДЛЯ ВОЛОСЪ.

Генеральный представитель **Пров. С. Блумъ,**
Рига, Церковная ул. 31.

Акц. О-во Мебельн. и паркетн. фабрики «КОМПЛЕКСЪ»

Улица Свободы 82. Телефонъ 92-67.

Быстрое исполненіе заказовъ по новѣйшимъ рисункамъ какъ своимъ, такъ и специальнымъ.
На складѣ Салоны стиля Ампиръ, Рококо. Столовая, спальни и кабинеты.

Допускается разсрочка.

Chlorodont

Мировая марка для зубной пасты,
эликсира и порошка.

Въ употребленіи миллионы.

Любители находятъ, что

СТРЕМЕРСА китайскій цвѣточный чай (этикетъ „Золотой танго-слонъ“)
наивысшій по качеству и превосходный по аромату.